УНДИНА,

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, 5 Сентября 1835 года.

Цензоръ А. Никитенко.

УНДИНА,

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ,

РАЗСКАЗАННАЯ

НА НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКѢ

ВЪ ПРОЗѢ

БАРОНОМЪ Ф. ЛАМОТТЪ ФУКѢ.

НА РУССКОМЪ

ВЪ СТИХАХЪ,

В. ЖУКОВСКИМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ.
1837.

est.
Bibliotheca Universitatis Tartuensis
1912:1918
7528
ESTICA
A-9046

Изданіе Книгопродавца Александра Смирдина.

Повинуясь волѣ, которую мнѣ было особенно пріятно исполнить, я разсказалъ Русскими стихами Ундину. Въ 1833 году, находясь въ Швейцаріи и живя уединенно на берегу Женевскаго озера (въ деревенькѣ Вернѐ близъ Монтрё), написалъ я первыя три главы этой повѣсти. По возвращеніи моемъ въ Россію, занятія другаго рода на долго отвлекли меня отъ начатаго поэтическаго труда; и только въ нынѣшнемъ году я могъ опять за него приняться. Послѣднія главы Ундины написаны въ сельскомъ уединеніи близъ

Дерпта, гдѣ я провелъ половину лѣта и могъ по прежнему посвятить досугъ свой Поэзіи.

Ж.

Элистферъ
26 Іюля 1836.

Бывали дни восторженныхъ видѣній;
Моя душа поэзіей цвѣла;
Ко мнѣ леталъ съ вѣстями чудный Геній;
Природа вся мнѣ пѣснію была.

Оно прошло, то время золотое;
Съ природы снятъ магическій вѣнецъ;
Свѣтъ узнанный свое лице земное
Разоблачилъ, и призракамъ конецъ.

Но о Мечтѣ, какъ о весенней птичкѣ,
Пѣвавшей мнѣ, съ усладой помню я;
И Прелести явленьемъ по привычкѣ
Любуется, какъ въ старь, душа моя.

Здѣсь есть *одна* — жива какъ вдохновенье,
Какъ ясная надежда молода —
На душу мнѣ ея одно явленье
Поэзію наводитъ завсегда.....

Передъ пустой когда-то колыбелью
Задумчиво-безмолвенъ я стоялъ.
„Кто обреченъ святому новоселью
„Тобой въ жильцы? “ Судьбу я вопрошалъ.

И съ первою блеснувшей мнѣ денницей
Ужь милый гость въ той колыбели былъ;
Онъ въ ней лежалъ подъ Царской багряницей,
Прекрасенъ, тихъ, какъ Божій Ангелъ милъ.

Года прошли — и мой разцвелъ младенецъ,
Прекрасенъ, тихъ, какъ Божій Ангелъ милъ;
И мнится мнѣ, что неба уроженецъ
Утѣхой въ немъ на землю присланъ былъ.

Его то я порою здѣсь встрѣчаю,
Какъ чистую Поэзію мою;
Имъ иногда я душу воскрешаю;
При немъ подъ часъ, забывшись, и пою.

ГЛАВА I.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ПРІѢХАЛЪ ВЪ ХИЖИНУ РЫБАКА.

Лѣтъ за пятьсотъ и поболѣ случилось, что въ ясный, весенній
Вечеръ сидѣлъ передъ дверью избушки своей престарѣлый,
Честный рыбакъ и починивалъ сѣть. Сторона та, въ которой
Жилъ онъ, была прекрасное мѣсто. Лугъ, гдѣ стояла
Хижина, длинной косою входилъ въ широкое лоно
Моря: можно было подумать, что берегъ душистый
Въ свѣтлолазурныя, чуднопрозрачныя воды съ любовью
Нѣжной тѣснился, что море, влажной, трепещущей грудью
Нѣжно прижавшись къ нему и его обнимая, плѣнялось
Свѣжестью шелковой зелени, блескомъ цвѣтовъ и прохладой

Темныхъ сѣней древесныхъ. Правда, въ краю томъ немного
Было людей: рыбакъ съ женою и только; дремучій
Лѣсъ отдѣлялъ полуостровъ отъ твердой земли. И ужасенъ
Былъ тотъ лѣсъ своей темнотой неприступной; и слухи
Страшные были объ немъ въ народѣ: тамъ было нечисто;
Злые духи гнѣздилися въ немъ и пугали прохожихъ,
Такъ, что не смѣли и близко къ нему подходить. Но смиренный
Старый рыбакъ не боялся враждебныхъ духовъ: на продажу
Рыбу носилъ онъ въ городъ, лежавшій за лѣсомъ; полонъ
Набожныхъ мыслей, входилъ онъ въ его глубину, и ни разу
Тамъ ничего онъ не встрѣтилъ, хранимый небесною силой.
Сидя безпечно въ тотъ вечеръ за неводомъ, вдругъ онъ услышалъ
Шумъ въ лѣсу, какъ будтобы топотъ коня и желѣзной
Брони звукъ; онъ слушаетъ; шумъ приближается; робость

Имъ овладѣла, и все, что до тѣхъ поръ въ ненастныя ночи
Снилось ему о таинственномъ лѣсѣ, представилось разомъ
Мыслямъ его; особливо же нѣкто огромнаго роста,
Бѣлый, всегда головою странно кивающій. Въ темный
Лѣсъ онъ со страхомъ глядитъ и ему показалось, что въ самомъ
Дѣлѣ сквозь черныя вѣтви смотритъ кивающій призракъ.
Вспомнивъ однако, что все ни какой еще не случилось
Съ нимъ бѣды ни въ лѣсу, ни въ избушкѣ, въ которой такъ долго
Жилъ онъ съ женою вдвоемъ, что нечистый надъ ними не властенъ,
Онъ ободрился прочелъ молитву, и сдѣлалось скоро
Даже ему и смѣшно, когда онъ увидѣлъ, какую

Шутку съ нимъ глупая робость сыграла: кивающій образъ
Былъ не что иное, какъ быстрый ручей, изъ средины
Лѣса бѣгущій и съ пѣной впадающій въ море; шумъ же,

Слышанный имъ, былъ отъ рыцаря: шагомъ на бѣломъ,
Бодромъ конѣ изъ чащи лѣсной онъ ѣхалъ и прямо
Къ хижинѣ ихъ приближался. Мантіей алаго цвѣта
Былъ покрытъ его фіолетовый, золотомъ шитый,
Стройный колетъ; на бархатномъ черномъ баретѣ вился
Бѣлыя перья; висѣлъ у бедра на цѣпи драгоцѣнной
Мечь съ золотой рукоятью искусной работы; а бѣлый
Рыцаревъ конь былъ статенъ, силенъ и живъ; онъ, копытомъ
Легкимъ едва къ луговой муравѣ прикасаясь, воздушной
Поступью шелъ и, сгибая красивую шею какъ лебедь,
Грызъ узду, облитую пѣной. Старикъ, пораженный
Видомъ статнаго рыцаря, неводъ покинулъ, и снявши
Шляпу, смотрѣлъ на него съ привѣтной улыбкой. Приближась,
Рыцарь сказалъ: могуль я съ конемъ найти здѣсь на эту

Ночь убѣжище? — Милости просимъ, гость благородный;
Лучшимъ стойломъ будетъ коню твоему нашъ зеленый
Лугъ, подъ кровлей сѣнистыхъ деревъ; а вкусную пищу
Самъ онъ найдетъ у себя подъ ногами; тебѣ жь мы охотно
Уголъ очистимъ въ нашемъ убогомъ жилищѣ и ужинъ
Скудный съ тобою раздѣлимъ. Рыцарь, кивнувъ головою,
Спрыгнулъ съ коня, его разнуздалъ и по свѣжему лугу
Бѣгать пустилъ; потомъ сказалъ рыбаку: ты охотно,
Добрый старикъ, принимаешь меня, но когдабъ и не столько
Былъ ты сговорчивъ, то все бы со мной не раздѣлался цынчѣ:
Море, вижу я, здѣсь передъ нами, и далѣ дороги
Нѣтъ никакой; а вечеромъ поздно въ этотъ проклятый
Лѣсъ возвращаться, избави Боже! — Не станемъ объ этомъ
Слишкомъ много теперь говорить, сказалъ озираясь

Старый рыбакъ и въ хижину ввелъ усталаго гостя.
Тамъ, передъ яркимъ огнемъ, горѣвшимъ въ каминѣ и въ чистой
Горницѣ трепетный блескъ разливавшимъ, на стулѣ широкомъ
Съ спинкой рѣзною сидѣла жена рыбака пожилая.
Гостя увидѣвъ, старушка встала, ему поклонилась
Чинно, и сѣла опять, ему отдать не подумавъ
Мѣсто свое. Рыбакъ, засмѣявшись, сказалъ: благородный
Рыцарь, прошу не взыскать, что хозяйка моя свой покойный
Стулъ для себя сберегла: у насъ такой ужь обычай;
Лучшее мѣсто всегда старикамъ уступается. — Что ты,
Дѣдушка! съ кроткой усмѣшкой сказала хозяйка; вѣдь гость нашъ
Вѣрно такой же Христовъ человѣкъ, какъ и мы, и придетъ ли,
Самъ ты скажи, молодому на умъ, чтобъ ему уступали
Старые люди лучшее мѣсто? Садися, мой добрый

Рыцарь, на эту скамейку, она продолжала, да только
Тише сиди, не ворочайся, ножка одна не надежна.
Рыцарь взялъ осторожно скамейку, придвинулъ къ камину,
Сѣлъ, и сердцу его такъ стало пріютно, какъ будто бъ
Былъ онъ у милыхъ родныхъ, возвратяся изъ чужи въ отчизну.
Стали они разговаривать. Рыцарь развѣдать о страшномъ
Лѣсѣ хотѣлъ, но рыбакъ ночною порою боялся

Рѣчь о немъ заводить; за то о своей одинокой

Жизни и промыслѣ трудномъ своемъ расказывалъ много.
Съ жадностью слушали мужъ и жена, когда говорилъ имъ
Рыцарь о томъ, какъ въ разныхъ земляхъ онъ бывалъ, какъ отцовскій
Замокъ его у истоковъ Дуная стоитъ, какъ прекрасна
Та сторона; онъ прибавилъ: меня называютъ Гульбрандомъ,
Имя же замка Рингштетенъ. — Такъ говоря, не однажды

Рыцарь слышалъ какой-то шорохъ и плескъ за окошкомъ,
Точно какъ-будто водой кто опрыскивалъ стекла съ наружи.
Всякой разъ съ досадой нахмуривалъ брови, послышавъ плесканье,
Старый рыбакъ; но когда же какъ ливнемъ вдругъ обдало стекла,
Такъ, что окно зазвѣнѣло и въ горницу брызги влетѣли,
Съ сердцемъ вскочилъ онъ и крикнулъ въ окошко съ угрозой: Ундина!
Полно проказничать; стыдно; въ хижинѣ гости. При этомъ
Словѣ стало тамъ тихо, лишь изрѣдка слышенъ былъ легкій
Шепотъ, какъ будто-бы кто потихоньку смѣялся. Почтенный
Гость, не взыщи, сказалъ рыбакъ, возвратившись на мѣсто:
Можетъ быть шалостей много еще ты увидишь, но злаго
Умысла нѣтъ у нея. То наша дочка Ундина,

Только не дочка родная, а найденышъ; сущій младенецъ,
Все проказитъ, а будетъ ей лѣтъ ужъ осмнадцать; но сердце

Самое доброе въ ней. Покачавъ головою, старушка
Молвила: такъ говоритъ ты волéнъ; когда ты усталый
Съ ловли приходишь домой, то тебѣ на досугѣ забавны
Эти проказы; но, съ у̀тра до вечера дома глазъ на глазъ
Съ нею пробывъ, отъ нее не добиться путнаго слова —
Дѣло иное; тутъ и святой потеряетъ терпѣнье.

Полно, старуха, рыбакъ отвѣчалъ; ты бьешься съ Ундиной,
Я съ причудливымъ моремъ: развѣ не часто мой неводъ
Портитъ оно и плотины мои размываетъ, а все мнѣ
Любо съ нимъ; то же и ты, хоть порою и охнешь, однако
Все Ундиночку любишь. Не такъ ли? — Что правда, то правда;
Во́все ее разлюбить ужь нельзя, кивнувъ головою,
Кротко сказала старушка. Вдругъ разтворилася настежь
Дверь; и въ нее бѣлокурая, легкая станомъ, съ веселымъ

Смѣхомъ впорхнула Ундина, какъ что-то воздушное. „ Гдѣ же
„ Гости, отецъ? За чѣмъ ты меня обманулъ?“ Но, увидя
Рыцаря, вдругъ замолчала она, и глаза голубые,
Вспыхнувъ звѣздами подъ сумракомъ черныхъ рѣсницъ, устремились
Быстро на гостя, а онъ, изумленный чуднымъ явленьемъ,
Былъ какъ вкопанный, жадно смотрѣлъ на нее, и боялся
Взоръ отвести: онъ думалъ, что видитъ сонъ, и взглядѣться
Въ образъ прекрасный спѣшилъ, пока онъ не скрылся. Ундина
Долго смотрѣла, пурпурныя губки разкрывъ какъ младенецъ;
Вдругъ, встрепенувшись рѣзвою птичкой, она подбѣжала
Къ рыцарю, стала передъ нимъ на колѣна и, цѣпью блестящей,
Къ коей привѣшенъ былъ мечъ, играя, сказала: прекрасный,
Милый гость, какою судьбой очутился ты въ нашей
Хижинѣ? Долго ты по́ свѣту долженъ былъ странствовать прежде,

Нежели къ намъ дорогу найти? Скажи, черезъ лѣсъ нашъ
Какъ ты проѣхалъ? Но онъ отвѣчать не успѣлъ; на Ундину
Крикнула съ сердцемъ старушка: оставь въ покоѣ, Ундина,
Гостя; встань и возмись за работу. Ундина, ни слова
Ей не сказавши въ отвѣтъ, схватила скамейку и, сѣвши
Подлѣ Гульбранда съ своимъ рукодѣльемъ, тихонько шепнула:
Вотъ гдѣ я буду работать. Старикъ, притворясь, что не видитъ
Новой проказы ея, хотѣлъ продолжать; но Ундина
Рѣчь перебила его: у тебя я спросила, мой милый
Гость, откуда пріѣхалъ ты къ намъ? Дождусь ли отвѣта? —
Изъ лѣсу прямо пріѣхалъ я, прелесть моя. — Разскажи же,
Какъ ты въ лѣсу очутился, и что въ немъ чуднаго видѣлъ?
Трепетъ почувствовалъ рыцарь, вспомнивъ о лѣсѣ; невольно
Онъ обратилъ глаза на окошко, въ которое кто-то

Бѣлый, ему показалось, глядѣлъ; но было въ окошкѣ
Пусто, за стеклами ночь густая чернѣла. Собравшись
Съ духомъ, разсказъ онъ готовъ былъ начать; но старикъ торопливо
Молвилъ ему: не доброе время теперь намъ объ лѣсѣ
Рѣчь заводить; разскажешь намъ завтра. Услышавши это,
Съ мѣста вскочила Ундина, и глазки ея засверкали.
Нынче, не завтра онъ долженъ разсказывать! нынче, теперь же!
Вскрикнула съ сердцемъ она, и, бровки угрюмо нахмуривъ,
Топнула маленькой ножкою объ полъ; и въ эту минуту
Такъ забавно мила и прелестна была, что въ Гульбрандѣ
Вспыхнуло сердце, и онъ еще болѣ плѣнился смѣшною,
Дѣтской ея запальчивостью, нежели рѣзвостью прежней.
Но рыбакъ, разсердясь не на шутку, причудницу началъ
Крѣпко журить за ея упрямство и дерзкую вольность

Съ гостемъ. Старушка пристала къ нему. Тутъ Ундина сказала:

Если браниться хотите со мной, а того не хотите

Сдѣлать, о чемъ я прошу, такъ прощайте жъ; одни оставайтесь

Въ вашей скучной, дымной лачужкѣ. Съ сими словами

Прыгнула въ двери она и въ минуту во мракѣ пропала.

ГЛАВА II.

О ТОМЪ, КАКЪ УНДИНА ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ ЯВИЛАСЬ ВЪ ХИЖИНѢ РЫБАКА.

Рыцарь вскочилъ, за нимъ и рыбакъ, и бросились оба
Въ дверь, чтобъ ее удержать, но напрасно; Ундина такъ быстро
Скрылась, что даже было не льзя догадаться, въ какую
Сторону вздумалось ей побѣжать. Испуганнымъ взоромъ
Рыцарь спросилъ рыбака: что дѣлать? — Ужь это не въ первый
Разъ, рыбакъ проворчалъ: такими побѣгами часто
Насъ забавляетъ она; теперь опять мнѣ придется

Цѣлую ночь на пролетъ безъ сна проворочаться съ боку
На бокъ на жесткой постелѣ моей: вѣдь малоль что можетъ
Встрѣтиться ночью! — За чѣмъ же медлить? Пойдемъ поскорѣе

Сами за нею. — Трудъ безполезный; ты видишь, какая
Тьма на дворѣ: куда мы пойдемъ? И кто угадаетъ,
Гдѣ она спряталась? — Будемъ покрайней мѣрѣ, прибавилъ
Рыцарь, хоть кликать ее. И кричать онъ началъ: Ундина!
Гдѣ ты, Ундина? — Старикъ покачалъ головою. Какъ хочешь,
Рыцарь, кричи, она не откликнется намъ, а ужь вѣрно
Гдѣ нибудь близко сидитъ; еще ты не знаешь, какая
Это упрямица. — Такъ говоря, старикъ съ безпокойствомъ
Въ темную ночь глядѣлъ и не могъ утерпѣть, чтобъ тудаже
Вслѣдъ за Гульбрандомъ не крикнуть: Ундиночка! милая! гдѣ ты?
Правду однако онъ предсказалъ: ни какой тамъ Ундины
Не было. Долго кричавъ по напрасну, они наконецъ возвратились
Оба въ хижину; тамъ ужь было темно, и старушка,
Менѣе мужа о томъ, что съ Ундиной случится, заботясь,

Спать улеглась, и въ каминѣ огонь, догорѣвши, потухнулъ,
Только немногіе уголья тлѣли и синее пламя,

Изрѣдка вспыхнувъ, трепещущій свѣтъ разливало и гасло.
Снова разведши огонь, рыбакъ наполнилъ большую
Кружку виномъ и поставилъ ее передъ гостемъ. — „Мы оба,
Рыцарь, едва ли заснемъ; такъ не лучше ли будетъ, когда мы,
Вмѣсто того, чтобъ въ безсонницѣ жесткой рогожей
Грѣшное тѣло терѣть, посидимъ у огня и за доброй
Кружкой вина о томъ и другомъ побесѣдуемъ? Какъ ты
Думаешъ, добрый мой гость?“ — Гульбрандъ согласился охотно.
Сѣсть принудивъ его на почетномъ оставленномъ стулѣ,
Честный старикъ помѣстился съ нимъ рядомъ, и вотъ дружелюбно
Стали они разговаривать; только при каждомъ малѣйшемъ
Шорохѣ—стукнетъ ли что въ окошко, и даже не рѣдко

Просто безъ всякаго стука и шороха — вдругъ умолкали
Оба, и, палецъ поднявши, глаза неподвижно уставивъ
Въ двери, слушали; каждый шепталъ: идетъ! и не тутъ-то
Было; не шелъ никто, и, вздохнувши, они начинали
Снова свой разговоръ. — Разкажи мнѣ, сказалъ напослѣдокъ
Рыцарь, какъ вамъ случилось найти Ундину? — А вотъ какъ
Это случилось, рыбакъ отвѣчалъ: тому ужъ двѣнадцать
Будетъ лѣтъ, какъ я съ товаромъ моимъ черезъ этотъ
Лѣсъ былъ долженъ отправиться въ городъ; жену я оставилъ
Дома, какъ то бывало всегда, а въ то время и нужно
Было ей дома остаться. За чѣмъ, ты спросишь? Господь намъ
Въ позднія наши лѣта даровалъ прекрасную дочку;
Какъ же было покинуть ее? Товаръ мой продавши,
Я возвращался домой, и, солгать не хочу, не случилось

Мнѣ ничего, какъ и прежде, въ лѣсу недобраго встрѣтить;
Богъ мнѣ сопутствовалъ всякой разъ, когда черезъ этотъ
Страшный лѣсъ мнѣ итти удавалось: а съ нимъ и опасный
Путь не опасенъ. При этомъ словѣ старикъ съ умиленнымъ
Видомъ шапочку снялъ съ головы и руки сложивши,
Въ набожныхъ мысляхъ минуты на двѣ умолкнулъ; потомъ онъ
Шапочку снова надѣлъ, и такъ продолжалъ: я съ веселымъ
Сердцемъ домой возвращался, а дома ждало несчастье:
Вся въ слезахъ на встрѣчу ко мнѣ жена прибѣжала.
Царь небесный! что случилось? я воскликнулъ. Гдѣ наша
Дочька? — Она у того, чье имя ты въ эту минуту,
Бѣдный мой мужъ, призываешь, жена отвѣчала. И, молча,
Горько заплакавъ, пошелъ я за нею въ хижину; тѣла
Милой малютки моей я глазами искалъ тамъ, но тѣла

Не было. Вотъ какъ это случилось: съ нашимъ младенцемъ
Подлѣ воды на травѣ жена спокойно сидѣла;

Съ нимъ въ беззаботномъ весельи играла она; вдругъ малютка
Сильно къ водѣ протянулась, какъ будто чудесное что-то
Въ свѣтлыхъ примѣтя струяхъ; и видитъ жена, что нашъ милый
Ангелъ смѣется, рученками что-то хватая; но въ этотъ
Мигъ какъ-будто какой невидимой силой швырнуло
Въ волны дитя, и въ ихъ глубинѣ бѣдняжка пропала.
Долго я тѣла искалъ, но напрасно, нигдѣ и примѣты
Не было. Вотъ мы, на старости двѣ сироты, въ безотрадномъ
Горѣ сидѣли въ тотъ вечеръ вдвоемъ у огня и молчали:
Еслибъ и можно было отъ слезъ говорить, то не стало бъ
Духу; и такъ мы оба молчали, глаза устремивши
Въ тусклый огонь; какъ вдругъ въ дверяхъ послышался легкій

Шорохъ; онѣ разтворились — и что же видимъ мы? Чудной
Прелести дѣвочка, лѣтъ шести, въ богатомъ уборѣ,
Намъ улыбаясь какъ ангелъ, стоитъ на порогѣ. Сначала
Мы въ изумленьи не знали, живой ли то былъ человѣчикъ,
Или обманчивый призракъ какой; но скоро примѣтилъ
Я, что вода съ золотыхъ кудрей и съ платья малютки
Капала: я подумалъ, что вѣрно младенецъ недавно

Былъ въ водѣ, и что скорая помощь нужна. И вздохнувши,
Такъ сказалъ я женѣ: никто не подумалъ спасти намъ
Милое наше дитя; покрайней мѣрѣ мы сами

Сдѣлаемъ то для другихъ, чего не могли намъ другіе
Сдѣлать, и что на землѣ блаженствомъ было бы нашимъ.
Мы раздѣли малютку, ее положили въ постель, и напиться
Дали горячаго ей; а она все молчала, и только,

Свѣтлонебесными глазками глядя на насъ, улыбалась.
Скоро заснула она, и свѣжа, какъ цвѣточикъ весенній,
Утромъ проснулась; когда жь мы разспрашивать стали, отъ куда
Родомъ она и какъ попала къ намъ въ хижину, толку
Не было въ странныхъ отвѣтахъ ея никакого; и вотъ ужъ
Ровно двѣнадцать лѣтъ, какъ съ нами живетъ, а добиться
Путнаго мы не могли отъ нее ничего; по разсказамъ
Вѣдорнымъ ея подумать легко, что она къ намъ упала
Прямо съ луны: о какихъ-то замкахъ прозрачныхъ, жемчужныхъ
Гротахъ, коралловыхъ рощахъ и разныхъ другихъ небылицахъ
Все твердитъ и теперь, какъ твердила тогда; удалося
Вывѣдать только одно, что, катаяся по морю въ лодкѣ
Съ матерью, въ воду упала она, и что волны на здѣшній
Берегъ ее принесли, гдѣ она и очнулась..... Въ сомнѣньи

Тяжкомъ остался мы: хотя и было не трудно
Намъ рѣшиться, на мѣсто родной потерянной дочьки,
Взять чужую, намъ данную Богомъ самимъ; но не знали
Мы, крещена ли она иль нѣтъ? Сказать же объ этомъ
Намъ ничего не умѣла бѣдняжка, хотя и понятно
Было ей, что она жила по волѣ Господней
Въ здѣшнемъ свѣтѣ, хотя и была смиренно готова
Все то исполнить, что съ волей Господней согласно. И вотъ что
Мы въ такомъ затрудненьи придумали вмѣстѣ съ женою:
Если она еще не была крещена, то не должно
Медлить минуты; а если уже крещена, то и дважды
Долгъ святой совершить не будетъ грѣха. Но какое
Дать ей имя? И въ умъ намъ пришло, что ее Доротеей
Было бъ всего приличней назвать: мы слыхали, что значить

Это имя *даръ Божій*, она же была милосердымъ

Господомъ Богомъ дарована горести нашей въ отраду.
Но объ имени этомъ она и знать не хотѣла. „Ундиной
Звали меня отецъ мой и мать; хочу и остаться

Вѣчно Ундиной!“ — Но было ли то Христіанское имя,
Мы не знали. И вотъ я пошелъ за священникомъ въ городъ;
Онъ согласился притти къ намъ; съ начала имя Ундины
Было противно ему, какъ и намъ; но наша малютка,
Въ платьецѣ странномъ своемъ, была такъ чудесно красива,
Такъ ласкалась къ нему и въ то же время такъ мило,
Такъ забавно спорила съ нимъ, что самъ онъ не въ силахъ
Былъ противиться ей — и ее окрестили Ундиной.

Сладостно было смотрѣть на нее въ продолженье святаго
Таинства: дикая рѣзвость изчезла и тихимъ, смиреннымъ

Агнцемъ стояла она, какъ будто бы чувствуя, что съ ней
Въ это время творилось. Правду молвить, не мало

Съ нею хлопотъ намъ, и еслибъ все разсказать мнѣ.... Но рыцарь
Тутъ перервалъ рыбака; онъ шепнулъ: послушай! послушай!
Что тамъ? — Не разъ ужь во время разсказа былъ онъ встревоженъ
Шумомъ воды; но въ эту минуту былъ явственно слышенъ
Ревъ потока, которой бѣжалъ съ возврастающей силой
Мимо хижины. Оба вскочили и бросились въ двери;
Въ мѣсячномъ свѣтѣ открылося имъ, что ручей, выходящій
Изъ лѣса, сильно разлившись, ворочая камни, ломая
Съ трескомъ деревья, въ море бѣжалъ; и было все небо,
Такъ же какъ море, взволновано; тучи горами катились
Мимо луны, поминутно ее заслоняя, и чудно

Вся окрестность подъ блескомъ и тьмой трепетала; при свистѣ

Вихря было внятно, какъ море свирѣпое голосъ
Свой воздымало и какъ, скрыпя отъ вершины до корня,
Гнулись и шумно сшибались вѣтьвями деревья. — Ундина!...
Царь мой небесный!... Ундина! старикъ закричалъ; но отвѣта
Не было. Оба тогда побѣжали, забывши о бурѣ,
Каждый своею дорогою къ лѣсу и громко при шумѣ
Вѣтра въ ночной глубинѣ раздавалось: Ундина! Ундина

ГЛАВА III.

О ТОМЪ, КАКЪ БЫЛА НАЙДЕНА УНДИНА.

Странное что-то чувствовалъ рыцарь, скитаясь во мракѣ
Ночи, подъ шумомъ бури, одинъ, въ безполезномъ исканьи:
Снова стало казаться ему, что Ундина лишь призракъ,
Въ темномъ лѣсу его обманувшій, была; и при свистѣ
Вихря, при громѣ воды, при трескѣ деревьевъ, при чудномъ
Всей за минуту столь мирно-прекрасной страны превращеньи,
Началъ онъ думать, что море, лугъ, источникъ, рыбачья
Хижина, старый рыбакъ и все, что съ нимъ ни случилось,
Было обманъ; но жалобный крикъ старика, зовущій Ундину,
Все ему издали слышался. Вотъ наконецъ очутился

Онъ на самомъ краю лѣснаго ручья, который въ разливѣ
Бурномъ своемъ бѣжалъ широкою, мутной рѣкою,

Такъ, что отъ лѣса отрѣзанный мысъ, на коемъ стояла
Хижина, сдѣлался островомъ. Боже! рыцарь подумалъ,
Что, когда Ундина отважилась въ лѣсъ, и назадъ ей
Нѣтъ отъ туда дороги, и тамъ у злыхъ привидѣній
Плачетъ она одна въ темнотѣ? Отъ ужаса вскрикнувъ,
Онъ поспѣшно поднялъ съ земли огромный дубовый,
Бурей оторванный сукъ, чтобъ, держась за него, перебраться
Въ лѣсъ черезъ воду. Хотя и самъ онъ дрожалъ, вспоминая
Все, что тамъ видѣлъ прошедшимъ днемъ; хотя и казалось
Въ эту минуту ему, что стоялъ тамъ, ровéнъ съ деревами,
Бѣлый, слишкомъ знакомый ему великанъ и, оскаливъ
Зубы, кивалъ ему головою — но самый сей ужасъ

Только что съ большею силою влекъ его въ лѣсъ:
тамъ Ундина
Въ страхѣ, одна, безъ защиты была. И вотъ ужь
ступилъ онъ
Смѣлой ногою въ кипучую воду, какъ вдругъ не
далеко
Сладостный голосъ сказалъ: „ не ходи, не ходи,
берегися
„ Злаго потока; старикъ сердитъ и обманчивъ.“
Знакомы
Рыцарю были прелестные звуки; они замолчали;

Онъ же, стоя въ водѣ, озпрался и слушалъ; но
мѣсяцъ
Темной задернуло тучей и волны быстро неслися,

Ноги его подмывая, и онъ, почти опрокинутъ,

Былъ какъ въ чаду, и кружилась его голова; и
глазами
Долго искавъ въ темнотѣ, наконецъ онъ воскликнулъ: Ундина!
Ты ли? Гдѣ ты? Если не хочешь явиться, я брошусь
Самъ въ потокъ за тобой; откликнись; мнѣ лучше погибнуть,
Нежели быть безъ тебя. — И глубже въ воду пошелъ онъ.

Тотъ же голосъ и такъ же близко сказалъ: отзо-
вися!
Въ эту минуту вышелъ мѣсяцъ изъ тучи, и ры-
царь
Въ блескѣ его увидѣлъ Ундину: былъ маленькій
островъ
Подлѣ берега быстрымъ разливомъ ручья образо-
ванъ;
Тамъ, подъ навѣсомъ деревьевъ густыхъ, въ травѣ
угнѣздившись,
Призракомъ свѣтлымъ сидѣла Ундина. Было не
трудно
Въ этомъ мѣстѣ потокъ перейти и Гульбрандъ о-
чутился
Въ мигъ близъ Ундины на мягкой травѣ; она жъ,
приподнявшись,
Руки вкругъ шеи его обвила и его по неволѣ

Рядомъ съ собой посадила. Теперь ты разскажешь
мнѣ, милый,
Повѣсть свою, шепнула она; мы одни; старики
насъ
Здѣсь не услышатъ и скучнымъ своимъ ворчаньемъ
не могутъ
Намъ помѣшать; а эта густая древесная кровля

Стоитъ ихъ хижины дымной. — Здѣсь рай, Ундина!
воскликнулъ

Рыцарь, прижавши ко груди ее съ поцѣлуемъ горячимъ.
Въ эту минуту рыбакъ, проискавши напрасно Ундину,
Къ мѣсту тому подошелъ и увидѣлъ ихъ съ берега. Рыцарь!
Онъ закричалъ: непохвальное дѣло ты дѣлаешь; нами
Былъ ты довѣрчиво принятъ; а ты теперь, обнимаясь
Съ нашей дочкой, шепчешься съ нею тайкомъ, и оставилъ
Въ страхѣ меня старика одного по пустому за нею
Бѣгать въ потемкахъ. — Я самъ, отвѣтствовалъ рыцарь, лишь только
Въ эту минуту встрѣтился съ нею. — Тѣмъ лучше; скорѣе жь
Оба ко мнѣ перейдите сюда на твердую землю. —

Но Ундина о томъ не хотѣла и слышать; и лучше

Въ страшный лѣсъ она соглашалася съ милымъ, прекраснымъ
Гостемъ пойти, чѣмъ въ несносную хижину, гдѣ не хотѣли
Дѣлать того, о чемъ просила она, и отъ куда

Рано иль поздно прекрасный гость удалится. Прижавшись
Крѣпко къ нему, она гармонически, тихо запѣла:
„Въ душной долинѣ волна печально трепещетъ и бьется;
„Влившися въ море, она изъ моря назадъ не польется.“
Горько заплакалъ рыбакъ, услышавъ ту пѣсню; ее же
Слезы его какъ будто не трогали; къ рыцарю съ дѣтской
Лаской она прижималась. Но рыцарь сказалъ ей: Ундина,
Развѣ не видишь, какъ плачетъ отецъ? Не упрямся жь; намъ должно,
Должно къ нему возвратиться. Въ нѣмомъ изумленьи Ундина
Быстро свои голубые глаза на него устремила,

Кротко сказала потомъ: когда ты такъ думаешь, милый,
Я согласна. И съ видомъ покорнымъ, глаза опустивши,
Встала она; и, на руки взявши ее, безопасно

Рыцаръ потокъ перешелъ. Старикъ со слезами на шею

Кинулся къ ней и въ радости былъ какъ дитя; прибѣжала
Скоро къ нимъ и старушка; свою возвращенную дочку
Нѣжно они цѣловали; упрековъ не было; въ добромъ
Сердцѣ Ундины все такъ же утихло, и ихъ обнимала
Съ лаской сердечной она, просила прощенья, смѣялась,
Плакала, милыя всѣ имена имъ давала. А утро
Тою порой занялось и буря умолкла, и птицы
Начали пѣть на свѣжихъ, дождемъ ожемчуженныхъ вѣткахъ;
Стало свѣтло, и опять приступать принялася Ундина
Къ рыцарю съ просьбой, чтобъ началъ разсказъ свой. И такъ согласились
Завтракъ принесть подъ деревья. Ундина проворно усѣлась
Подлѣ Гульбрандовыхъ ногъ на травѣ; другаго же мѣста
Выбрать никакъ не хотѣла; и рыцарь разсказывать началъ.

ГЛАВА IV.

О ТОМЪ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ СЪ РЫЦАРЕМЪ ВЪ ЛѢСУ.

Вотъ ужь болѣ недѣли, какъ я въ тотъ вольный Имперскій
Городъ, который лежитъ за вашимъ лѣсомъ, пріѣхалъ;
Тамъ былъ турниръ и рыцари копья ломали усердно.
Я не щадилъ ни себя, ни коня. Подошедши къ оградѣ
Поля, дабы отдохнуть отъ веселой работы, я шлемъ свой
Снялъ и отдалъ его щитоносцу; и въ эту минуту

Вижу на ближнемъ алтанѣ дѣвицу, въ богатомъ уборѣ,
Чудной прелести. Это была молодая Бертальда —

Мнѣ сказали—питомица знатнаго Герцога, въ ближнемъ
Замкѣ живущаго. Мнѣ показалось, что съ ласковымъ видомъ

Смотритъ она на меня, и во мнѣ загорѣласъ двойная
Бодрость; усердно бился я прежде, но съ этой минуты
Дѣло пошло ужъ иначе. А вечеромъ съ нею одною

Я танцовалъ; и такъ продолжалось во всѣ остальные
Дни турнира. — Въ эту минуту почувствовалъ рыцарь
Сильную боль въ опущенной лѣвой рукѣ; оглянувшись,
Видитъ онъ, что Ундина, жемчужными зубками стиснувъ
Палецъ ему, сердито нахмурила бровки и въ глазкахъ,
Ярко свѣтившихся, бѣгали слезки; потомъ на Гульбранда
Съ грустнымъ упрекомъ взглянувъ, она ему погрозила
Пальцемъ; потомъ вздохнула, потомъ наклонила головку.
Рыцарь, смутившись, умолкъ на минуту; потомъ онъ разсказъ свой
Такъ продолжалъ: Бертальда прекрасна, не льзя не признаться;
Но черезъ чуръ ужъ горда и причудлива; мнѣ во второй разъ

Правилась менѣ она, чѣмъ въ первый, а въ третій разъ менѣ
Чѣмъ во второй. Однако мнѣ показалось, что болѣ

Всѣхъ другихъ я замѣченъ былъ ею, и это мнѣ льстило.
Вотъ мнѣ вздумалось въ шутку ее попросить, чтобъ перчатку
Мнѣ свою подарила она. Подарю, отвѣчала

Съ гордой усмѣшкой Бертальда, если осмѣлишься, рыцарь,
Съѣздить одинъ въ заколдованный лѣсъ нашъ, и вѣрныя вѣсти
Мнѣ принесешь о томъ, что въ немъ происходитъ. Перчатка
Мнѣ дорога не была; но было бы рыцарю стыдно

Вызовъ такой отъ себя отклонить, и я согласился.
— Развѣ тебя не любила она, спросила Ундина? —
Я ей нравился, рыцарь отвѣтствовалъ, такъ мнѣ казалось.
— О! такъ она сумасшедшая, вскрикнула громко Ундина,
Съ радостнымъ смѣхомъ захлопавъ въ ладоши. Кто жъ не безумный

Exbibl. univ. Tart.

Съ милымъ себя разлучить и его добровольно въ волшебный
Лѣсъ на опасное дѣло пошлетъ? Отъ меня бъ не дождался
Этотъ лѣсъ такой неслыханной почести. — Рано

Утромъ вчера, продолжалъ Гульбрандъ, улыбнувшись Ундинѣ,
Я отправился въ путь. Спокойно сіяли деревья

Въ блескѣ зари, полосами летавшемъ на зелени дерна;
Было свѣжо; благовонные листья такъ сладко шептались,
Все такъ манило подъ сумракъ прозрачный, что я по неволѣ
Злился на глупыхъ людей, которымъ страшилища въ райскомъ
Мѣстѣ такомъ могли померещиться. Въѣхалъ я въ чащу;
Мало по мало все стало пустынно и тихо; густѣя

Лѣсъ предо мной и за мною сдвигался, какъ будто хватая
Тысячью рукъ волшебныхъ меня. Опасаясь возвратный
Путь потерять, я коня удержалъ: посмотрѣть, высоко ли

Было солнце, хотѣлъ я; глаза подымаю и что же

Вижу? Черное что-то копышется въ вѣтвяхъ дубовыхъ.

Я подумалъ, что то былъ медвѣдь; обнажаю поспѣшно

Мечь. Но вдругъ человѣческимъ голосомъ, дикимъ, визгливымъ,

Мнѣ закричали: кстати пожаловалъ; милости просимъ;

Мы ужъ и вѣтокъ сухихъ наломали, чтобъ было на чемъ намъ

Вашу милость изжарить. Потомъ, съ отвратительно-дикимъ

Смѣхомъ оскаливши зубы, чудовище такъ зашумѣло

Вѣтвями дуба, что конь мой, шарахнувшись, бросился мимо

Въ скачь, и я не успѣлъ разглядѣть, какой тамъ гнѣздился

Дьяволъ. При имени этомъ рыбакъ и старушка съ молитвой

Перекрестились; Ундина жь тихонько шепнула: всего здѣсь

Лучше по моему то, что ты не изжаренъ, мой милый

Рыцарь, и то, что ты съ нами. Разсказывай далѣе. — Конь мой

Мчался, какъ бѣшеный, рыцарь сказалъ; имъ владѣть не имѣлъ я
Силы; вдругъ передъ нами стремнина, и скачетъ со мной онъ
Прямо въ нее; но въ самое жъ это мгновеніе кто-то

Длинный, огромный, сѣдой, перерѣзавши нашу дорогу,
Вдругъ передъ дикимъ конемъ повалился и конь, отшатнувшись,
Сталъ, и снова я имъ овладѣлъ. Озираюся, что же?

Мой спаситель былъ не сѣдой великанъ, а блестящій
Пѣнный ручей, бѣжавшій съ холма. — Благодарствую, милый,
Добрый ручей, закричала, захлопавъ въ ладоши, Ундина. —
Тяжко вздохнувъ и нахмурясь, рыбакъ покачалъ головою,
Рыцарь разсказывалъ далѣ. Собравъ повода, укрѣпился
Я на сѣдлѣ. Вдругъ вижу, какой-то стоитъ человѣчикъ
Рядомъ съ конемъ, отвратительный, грязный горбунъ, землянаго
Цвѣта лице, и носъ огромный такой, что, казалось,

Былъ онъ длиною со все остальное тѣло урода.

Онъ хохоталъ, оскаливалъ зубы, шаркалъ ногами,

Гнулся въ дугу. Я его оттолкнулъ и, коня повернувши,
Былъ готовъ пуститься въ обратный путь (ужъ склонилось
Солнце, покуда я мчался, далеко за по́лдень); но карликъ,
Прянувъ какъ кошка, дорогу коню заслонилъ. Берегися,
Я закричалъ, раздавлю. Но уродъ, изковеркавшись снова,
Началъ визжать: заплати за работу; ты въ пропасть
Вмѣстѣ съ конемъ бы слетѣлъ, когда бы не я подвернулся.
Лжешь ты, кривляка, сказалъ я, не ты, а этотъ источникъ
Насъ сохранилъ отъ паденья. Но вотъ тебѣ деньги; оставь насъ,
Дай дорогу. И бросивъ одну золотую монету

Въ шапку уроду, поѣхалъ я шибче; но снова явился
Рядомъ со мной онъ; я шпорю коня; конь скачетъ но съ боку

Скачетъ и карликъ, кривляясь, коверкаясь, съ хохотомъ, съ визгомъ,
Высунувъ красный съ локоть длиною языкъ. Чтобъ скорѣе
Съ нимъ развязаться, бросаю опять золотую монету
Въ шапку ему; но, съ хохотомъ дикимъ оскаливши зубы,
Началъ кричать онъ: поддѣльное золото! золота много
Есть у меня! погляди! полюбуйся! — И въ эту минуту
Мнѣ показалось, что вдругъ просвѣтлѣла земная утроба;
Дернъ изумрудомъ прозрачнымъ сдѣлался; взоръ мой свободно
Могъ сквозь него проницать въ глубину; и тогда мнѣ открылась
Область подземная Гномовъ: они гомозились, роились,
Комкались въ клубы, вились, развивались, сгребали металлы,
Сыпали въ кучи рубинъ и сапфиръ и смарагдъ, и пускали
Вихри песка золотаго другъ другу въ глаза. Мой сопутникъ
Быстро метался то въ низъ то въ верхъ; и ему подавали

Слитки огромные золота; мнѣ показавъ ихъ со смѣхомъ,
Каждый онъ въ бездну бросалъ и, изъ пропасти въ пропасть со звономъ
Падая, всѣ въ глубинѣ изчезали. Тогда онъ монету,
Данную мною, швырнулъ съ пронзительнымъ хохотомъ въ бездну;
Хохотомъ, шиканьемъ, свистомъ ему отвѣчали изъ бездны.
Вдругъ взгомозилися всѣ и, толпяся, толкаясь, полезли
Къ верху, когтистые, пылью металловъ покрытые пальцы
Всѣ на меня растопорщивъ; вся пропасть, казалось, кипѣла;
Куча за кучей, гуще и гуще, ближе и ближе.....

Ужасъ меня одолѣлъ; давъ шпоры коню, безъ оглядки
Я поскакалъ.... и не знаю, долго ль скакалъ; но очнувшись
Вижу, что нѣтъ никого; привидѣнья изчезли; прохладно
Было въ лѣсу и вечеръ уже наступилъ. Сквозь деревья
Блѣдно мелькала тропинка, ведущая изъ лѣсу въ городъ.

Взъѣхать спѣшу я на эту тропинку; но что-то сѣдое,
Зыбкое, дымъ не дымъ, туманъ не туманъ, поминутно
Видъ свой мѣняя, стало межъ вѣтвей и мнѣ заслонило
Путь; я пытаюсь объѣхать его, но куда ни поѣду,
Тамъ и оно; разсердившись скачу на проломъ; но на встрѣчу
Прыщетъ мнѣ пѣна, и ливнемъ холоднымъ я обданъ, и рвется
Конь мой назадъ; ослѣпленъ, промоченъ до костей, я бросаюсь
Въ право и въ лѣво, но все не могу попасть на тропинку,
Бѣлый никакъ на нее не пускаетъ меня. Попытаюсь
Ѣхать обратно — за мной по пятамъ онъ, но смиренъ, и волю
Путь продолжать мнѣ даетъ; но лишь только опять на тропинку
Взъѣду — онъ тутъ, и опять заслоняетъ ее, и холодной
Пѣной меня обдаетъ. Наконецъ по неволѣ я выбралъ
Ту дорогу, къ которой меня онъ тѣснилъ такъ упорно,

Онъ унялся, но все отъ меня не отсталъ, и за мною
Блѣднотуманнымъ столбомъ подвигался; когда же случалось
Мнѣ оглянуться, то чудилось мнѣ, что этотъ огромный
Столбъ съ головой, что въ меня упирались тускло и зорко
Съ чуднымъ какимъ-то миганьемъ глаза, и кивала

Всякой разъ голова, какъ будто меня понукая

Ѣхать въ передъ. Но порою мнѣ просто казалось, что этотъ
Странный гонитель мой былъ лѣсной водопадъ. Наконецъ я,
Выѣхавъ изъ лѣсу, здѣсь очутился и встрѣтился съ вами,
Добрые люди. Тогда пропалъ и упрямый мой спутникъ.
— Рыцарь кончилъ разсказъ свой. Мы рады тебѣ, благородный
Гость нашъ, сказалъ рыбакъ, но пора и о томъ намъ подумать,
Какъ бы тебѣ возвратиться въ городъ. — Ундина, услышавъ
Эти слова, начала про себя тихомолкомъ смѣяться

Съ видомъ довольнымъ. То рыцарь замѣтивъ, сказалъ ей: Ундина,
Развѣ ты рада разлукѣ со мною? Чему ты смѣешся? —
Я ужь знаю чему, отвѣчала Ундина. Отвѣдай

Этотъ сердитый потокъ переплыть — верхомъ иль на лодкѣ,
Какъ угодно — анъ нѣтъ, не удастся! а моремъ.... давно я
Знаю, что этого сдѣлать не льзя; и отецъ не далеко
Въ море уходитъ съ лодкой своей. И такъ оставайся
Съ нами, радъ ли, не радъ ли. Вотъ чему я смѣюся.
Рыцарь съ улыбкою всталъ, чтобъ видѣть такъ ли то было,
Что говорила Ундина; всталъ и рыбакъ; а за ними
Вслѣдъ и она. И подлинно, все опрокинуто было

Бурей въ лѣсу; потокъ разлился и сталъ полуостровъ
Островомъ. Рыцарь не могъ о возвратѣ и думать, и долженъ
Былъ по неволѣ онъ ждать, пока въ берега не вольется

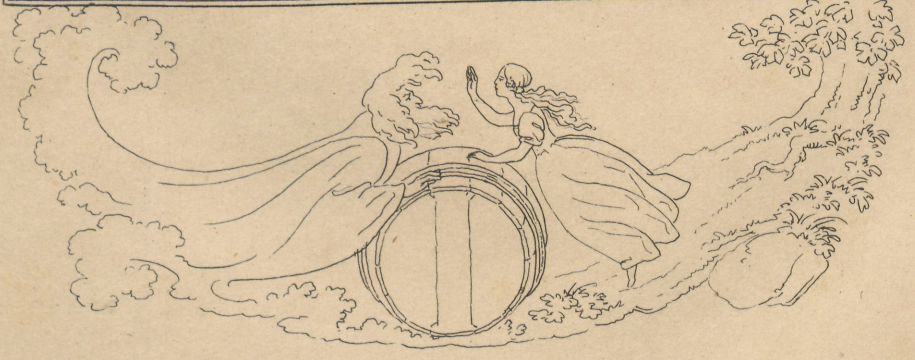
Снова потокъ. Возвращаяся въ хижину рядомъ съ Ундиной,
Онъ ей шепнулъ: что скажешь, Ундиночка? Рада ль, что съ вами
Я остаюся? — Полно, полно она проворчала,

Бровки нахмуривъ, не вздумай тебя укусить я за палецъ,
Ты бы не то разсказалъ намъ объ этой несносной Бертальдѣ.

ГЛАВА V.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ЖИЛЪ У РЫБАКА ВЪ ХИЖИНѢ.

Можетъ быть, добрый читатель, тебѣ случалося въ жизни,
Долго скитавшисъ туда и сюда, попадать на такое
Мѣсто, гдѣ было тебѣ хорошо; гдѣ живущая въ каждомъ
Сердцѣ любовь къ домашнему быту, къ семѣйному миру
Съ новою силой въ тебѣ пробуждалась; и снова ты видѣлъ
Край родимый; и всѣ обаянія младости, блага
Первой, чистой любви на могилахъ минувшаго снова
Въ прежней красѣ разцвѣтали, и ты говорилъ, отдыхая:
Здѣсь живется сладко, здѣсь мнѣ будетъ пріютно.
Вспомнивъ такую минуту, когда очарованной думой

Ты обнималъ безпменное, тайное счастье земное,

Ты, читатель, поймешь, что долженъ былъ чувствовать рыцарь,
Вдругъ поселившись въ этомъ предѣлѣ, далеко отъ свѣта.
Часто онъ съ радостью тайной смотрѣлъ, какъ потокъ, свирѣпѣя,
День ото дня разширялся, и островъ все далѣ и далѣ
Въ море входилъ, разлучаяся съ твердой землею; казалось,
Міръ кончался за нимъ. На сердцѣ рыцаря стало
Тихо, свѣтло и легко. Рыбакъ былъ мудрецъ простодушный;
Зная людей, извѣдавъ тревогу житейскую, бывши
Ратникомъ самъ въ молодыхъ лѣтахъ, на досугѣ онъ много
Могъ разсказать про войну и про счастье, несчастье земное;
Словомъ онъ былъ живая лѣтопись; время безъ скуки
Шло въ разговорахъ межъ старцемъ отжившимъ и юношей, полнымъ
Пламенной жизни: мудрость смиренная, прямо изъ жизни

Взятая здравымъ разсудкомъ и вѣрою въ Бога, вли-
валась
Въ душу Гульбранда и въ ней поселяла блаженную
ясность.
Бодрый старикъ промышлялъ по прежнему рыбною
ловлей.
Былъ не безъ дѣла и рыцарь: въ хижинѣ къ счастью
нашелся
Старый доспѣхъ рыбака, самострѣлъ; его почи-
нивши,
Съ нимъ ежедневно рыцарь ходилъ на охоту; а
вечеръ
Вмѣстѣ всѣ передъ яркимъ огнемъ проводили, и
полный
Кубокъ тогда частенько постукивалъ въ кубокъ:
въ запасѣ
Было вино и нерѣдко съ нимъ длилась бесѣда до
поздней
Ночи. Но мирной сей жизни была душею Ундина.

Въ этомъ жилищѣ, куда суеты не входили, ка-
кимъ-то
Райскимъ видѣньемъ сіяла она: чистота Херувима,

Рѣзвость младенца, застѣнчивость дѣвы, причудли-
вость Никсы,
Свѣжесть цвѣтка, порхливость сильфиды, измѣнчи-
вость струйки....

*

Словомъ Ундина была несравненнымъ, мучительно-милымъ,
Чуднымъ созданьемъ; и прелесть ея проницала, томила
Душу Гульбранда, какъ прелесть весны, какъ волшебство
Звуковъ, когда мы такъ полны болѣзненно-сладкою думой.
Но вертлявый, проказливый нравъ и смѣшныя причуды Ундины
Были подъ часъ и докучливой мукой; за то и журили
Крѣпко ее старики; и тогда шалунья такъ мило

Дулась на нихъ, такъ забавно ворчала; потомъ такъ сердечно
Съ ними, раскаясь, мирилась; потомъ проказила снова, и снова
Ей доставалось; и все то было волшебною, тайной

Сѣтью, которою мало по малу опуталось сердце

Рыцаря. Съ нею онъ сталъ неразлученъ; съ каждою мыслью,
Съ каждымъ чувствомъ слилася Ундина. Но, имъ обладая,
Той же силѣ она и сама покорялась; хотя въ ней

Все осталось по прежнему, рѣзвость, причуды, упрямство,
Вздорныя выдумки, дѣтскія шалости, взбалмошный хохотъ,
Но Ундина любила — любила безпечно, какъ любитъ
Птичка, летая средь чистаго неба. Старикъ и старушка,
Видя Ундину и рыцаря вмѣстѣ, невольно привыкли
Ихъ почитать женихомъ и невѣстой. И рыцарю такъ же
Часто на мысль приходило, что въ міръ для него невозвратно
Входъ загражденъ, что съ людьми никогда ужь ему не встрѣчаться.
Если жь случалось, что рыцаревъ конь, на свободѣ бродившій
По лугу, ржаньемъ своимъ его пробуждалъ и какъ будто
Спрашивалъ: скороли въ битву? иль, если ему попадался
Брошеный щитъ на глаза, иль праздно на стѣнкѣ висѣвшій
Мечь, ненарокомъ сорвавшись съ гвоздя, изъ ноженъ выдвигался
Въ звонкомъ паденьи — дума о славѣ, о подвигахъ бранныхъ

Душу его шевелила. Но въ этой тревогѣ себя онъ
Тѣмъ утѣшалъ, что возвратъ для него невозможенъ; къ тому же
Мнилось ему, что Ундина была рождена не для низкой
Доли; словомъ, онъ вѣрилъ, что все то не случай, а Божій
Промыселъ было. И такъ одинъ за другимъ непримѣтно
Дни уходили, ясные, тихіе. Но и въ спокойномъ
Этомъ быту напослѣдокъ случилось разстройство: привыкли
Каждый вечеръ рыбакъ и рыцарь, отужинавъ, съ полнымъ
Кубкомъ часъ другой проводить въ разговорѣ радушномъ;
Вдругъ недостало вина: запасъ рыбака небогатый
Вышелъ; взять же новаго было негдѣ. Наморщивъ
Лбы, сидѣли Гульбрандъ и рыбакъ за столомъ; а Ундина,
Глядя на нихъ, умирала со смѣху. Скученъ и дологъ
Былъ тотъ вечеръ и рано всѣ разошлись. На другой день

Около ужина вышла Ундина изъ хижины. Вы мнѣ

Оба несносны, сказала она; не хочу я на ваши

Длинныя лица смотрѣть и слушать вашу зѣвоту.

Съ этимъ словомъ, захлопнула двери и скрылась.
А вечеръ
Былъ ненастенъ, вѣтеръ шумѣлъ и море сер-
дилось.
Въ страхѣ рыбакъ и рыцарь вскочили, вспомнивъ,
какъ въ первый
Разъ они перепуганы были Ундиной. Но только

Въ двери за нею они собрались побѣжать, какъ
Ундина
Имъ навстрѣчу явилась сама. За мною! за мною

Всѣ! закричала она, гостинецъ прислало намъ
море;
Бочка и вѣрно съ виномъ лежитъ на пескѣ. За
Ундиной
Всѣ пошли, и подлинно бочка нашлася; поспѣшно

Рыцарь, старикъ и съ ними Ундина ее покатили

Къ хижинѣ: буря сбиралась; сквозь сумерки было

Видно, какъ на морѣ волны свои подымали сѣдыя

Головы, дождь вызывая изъ тучь; и тучи бѣжали

Шибко и шумно, какъ будто грозяся напасть на идущихъ;
Вотъ ужь начали сыпаться первыя капли. Ундина
Вдругъ повернула головку и, пальчикъ поднявши, сердито
Имъ погрозила тучѣ и ей закричала: смотри ты,

Туча, не смѣй замочить насъ; еще намъ далеко до дома.
Съ сердцемъ рыбакъ ей сказалъ: уймися, Ундина, грѣхъ! И умолкнувъ
Стала она про себя потихоньку смѣяться. Однако

За сухо всѣ добралися до мѣста; но только успѣли
Бочку подъ кровлю поставить и вскрыть и отвѣдать, какое
Было вино въ ней, какъ дождь проливной зашумѣлъ, зашатались
Съ скрыпомъ деревья, и море дико завыло. По бурю
Въ хижинѣ скоро забыли; за полными кружками снова

Умъ разогрѣлся и ожили шутки; и этой бѣсѣдѣ

Прелесть двойную давалъ огонекъ, всегда столь пріятный

Въ тепломъ пріютѣ, при шумѣ вѣтра и моря, во время

Ночи ненастной. Но вдругъ старикъ, какъ будто что вспомнивъ,

Сталъ задумчивъ; потомъ, помолчавши минуту, сказалъ онъ:

Царь небесный, помилуй насъ грѣшныхъ! мы здѣсь надосугѣ

Шутимъ и этимъ прекраснымъ виномъ веселимся; а бѣдный

Прежній хозяинъ его, быть можетъ, погибъ и, волнами

Брошенный Богъ вѣсть куда, лишенъ погребенья. При этомъ

Словѣ Ундина съ лукавой усмѣшкой подвинула кружку

Къ рыцарю. Пей, не бойся, она прошептала. Но рыцарь

За руку взялъ старика и возкликнулъ: я честью клянуся,

Еслибъ могли мы его отыскать и спасти, то ночная

Буря мнѣ не была бы помѣхой; съ опасностью жизни

Я бы на помощь къ нему побѣжалъ; за то обѣ-
щаюсь,
Если когда возвращуся въ край обитаемый, вдвое,
Втрое ему иль дѣтямъ его заплатить за пре-
красный
Этотъ напитокъ, который безъ воли его намъ
достался.
Добрый старикъ кивнулъ головою въ знакъ одо-
бренья;
Въ немъ успокоилась совѣсть и съ бо́льшимъ вку-
сомъ онъ до́пилъ
Кружку. Но тутъ Ундина сказала Гульбранду: ты
денегъ
Сколько угодно можешь за это вино разсорить;
но бросаться
Въ воду и жизни своей не жалѣть.... вотъ это
ужь глупо
Сказано было; что же будетъ со мною, когда ты,
Милый, погибнешь? Не правдаль, не правдаль, ты
лучше съ Ундиной,
Здѣсь останешься? — Правда, Ундиночка, рыцарь
съ улыбкой
Ей отвѣчалъ. — Признайся жь, что глупо сказалъ
ты; вѣдь каждый
Самъ себѣ ближе; и что до другихъ намъ?... Ста-
рушка, услышавъ

Это, тяжко вздохнула; а добрый рыбакъ, нестерпѣвши,
Началъ кричать на Ундину: у Турковъ, у нехристей что ли
Выросла ты, прости мнѣ Господи? Что за горячку
Снова ты намъ говоришь, грѣховодница? Вдругъ замолчавши,
Робко Ундина прижалась къ Гульбранду; потомъ прошептала:
Что же такое сказала я имъ? Ужь и ты не сердитъ ли,
Милый мой рыцарь? Но рыцарь, пожавши ей руку, расправилъ
Кудри, упавшія кольцами ей на глаза, и ни слова
Ей не отвѣтствовалъ: брань рыбака его оскорбила.

Такъ сидѣли всѣ четверо, молча, нахмуривши брови;
Добрыя четверть часа продолжалося это молчанье.

ГЛАВА VI.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ЖЕНИЛСЯ.

Вдругъ, шатнувшись, тихохонько стукнула дверь; и невольно
Вздрогнули всѣ, какъ будто недоброе что-то почуя:
Страшный лѣсъ былъ близко, а къ хижинѣ доступъ разливомъ
Былъ загражденъ человѣку живому; кому же въ такую
Позднюю пору зайти къ нимъ? Они съ безпокойствомъ смотрѣли
Другъ на друга. Снова послышался стукъ; и поспѣшно
Рыцарь схватился за мечъ. Не поможетъ твой мечъ, сотворивши
Крестъ, рыбакъ прошепталъ, когда здѣсь творится надъ нами
То, о чемъ и подумать боюсь я. Но въ эту минуту
Прыгнула съ мѣста Ундина и въ дверь закричала сердито:

Кто тамъ? Если, то ваши проказы, духи земные,
Будетъ бѣда вамъ; мой дядя Струй васъ порядкомъ проучитъ.
Пуще прежняго всѣ оробѣли, слова тѣ услышавъ.

Другъ на друга взглянули старикъ и старушка; а рыцарь
Всталъ и хотѣль ужь Ундину спросить, но тутъ изъ за двери
Голосъ сказалъ: я не духъ, человѣкъ, Хрпстіанинъ; впустите
Ради Господа Бога меня. При этомъ поспѣшно Ундина
Дверь отперла и, поднявши ночникъ, во внутренность темной
Ночи стала свѣтить: престарѣлый священникъ стоялъ тамъ.
Онъ, при видѣ Ундины, назадъ отступилъ, приведенный
Въ робость ея поразительной прелестью; въ бѣдной лачужкѣ
Встрѣчу такой красоты онъ волшебствомъ иль дѣломъ бѣсовскимъ
Счелъ и воскликнулъ: съ нами Господь и пречистая Дѣва!
Я не бѣсъ, засмѣявшись сказала Ундина; не бойся;

Милости просимъ, отецъ; войди, здѣсь добрые люди.
Патеръ вошелъ и ласково всѣмъ поклонился; пріятенъ
Былъ онъ лицемъ; веселая кротость сіяла во взорахъ.
Но по складкамъ длиннаго платья его, съ распущенныхъ
Бѣлыхъ волосъ и сѣдой бороды катилися градомъ
Капли: его промочило дождемъ. Въ боковую каморку
Тотчасъ его отвели, чтобъ раздѣть; а старушка съ Ундиной
Начали мокрое платье сушить на огнѣ. Съ благодарнымъ
Чувствомъ услуги старикъ принималъ; онъ, надѣвъ рыбаково
Верхнее платье, довольно потертое, вышелъ, и снова
Всѣ за столомъ передъ свѣтлымъ каминомъ усѣлись; старушка
Гостю сама уступила почетный стулъ, а Ундина
Въ ноги ему свою скамѣйку подвинула. Рыцарь,
То увидя, шепнулъ ей шутливое слово; но съ важнымъ

Видомъ она отвѣчала: онъ Божій служитель; не должно
Этимъ шутить. — Поужинавъ, добрымъ виномъ подкрѣпивши
Силы свои, священникъ разсказывать началъ, какимъ онъ
Образомъ свой монастырь, лежащій близъ моря, вчерашнимъ
Утромъ покинулъ. Я былъ къ Епископу нашему въ городъ
Посланъ, сказалъ онъ; хотя и есть по изгибу залива
Путь, но моремъ ближе; и я съ гребцами надежными лодку
Нанялъ; съ Богомъ мы съѣздили; нынѣче жъ по утру въ обратный
Поплыли путь; но сдѣлался вѣтеръ противный; а къ ночи
Буря — и буря, какой мнѣ ни разу видать не случалось;
Вѣтромъ вырвало весла изъ рукъ у гребцовъ; безпомощно
Были мы преданы морю, котораго волны какъ щепку
Нашъ челнокъ подымали съ хребта на хребетъ; и несло насъ
Прямо сюда; сквозь туманъ и сквозь пѣну черпѣлъ въ отдаленьи

Этотъ берегъ; ужь были мы близко; но бѣдную лодку
Нашу такъ и кружило; вдругъ поднялась и на насъ повалилась
Съ страшнымъ шумомъ большая волна— и самъ я не знаю,
Лодку ль она опрокинула, я ли выпалъ изъ лодки,

Только я вдругъ очутился въ водѣ. Господь не дозволилъ
Мнѣ погибнуть.... я былъ принесенъ невредимо на этотъ
Островъ. — Да, островъ, сказалъ со вздохомъ рыбакъ; но давно ли
Былъ онъ твердой землею? Какъ же не скажешь, что море
Съ нашимъ потокомъ бурлитъ заодно? — И самъ я подумалъ
Что-то подобное, Патеръ сказалъ; когда я тащился
Берегомъ вашимъ въ потьмахъ, предо мною мелькнула тропинка;
Я по ней и пошелъ; но эта тропинка изчезла

Вдругъ передъ лѣсомъ; ее перерѣзалъ потокъ. Тутъ сверкнулъ мнѣ
Въ нашей хижинѣ свѣтъ и тотчасъ сюда повернулъ я;

Слава Господу Богу! меня онъ спасъ, да и къ добрымъ
Людямъ еще мнѣ путь указалъ; но за то ужь отнынѣ
Кромѣ васъ ни кого на земли не встрѣчать мнѣ; отъ нынѣ
Въ этомъ утлу весь міръ для меня заключенъ. — По чему же?
Рыцарь спросилъ. — Да кто жь, отвѣтствовалъ Патеръ, узнаетъ
Скоро ли кончится эта война безпорядочныхъ стихій?
Я же старъ, и силы мои конечно изсякнутъ

Прежде, чѣмъ этотъ разлившійся бурный потокъ; да случиться
Можетъ и то, что дѣнь ото дня все шире и шире,

Глубже и глубже онъ дѣлаться будетъ, и вы напослѣдокъ
Такъ далеко отъ земли отодвинетесь въ море, что въ людяхъ
Даже и память объ васъ совсѣмъ пропадетъ; и тѣмъ легче
Можетъ это случиться, что васъ отъ земли заслоняетъ
Лѣсъ дремучій; потокъ же, я видѣлъ, такъ дикъ и порывистъ,

Такъ широкъ, что и крѣпкому судну не будетъ возможно
Силы его одолѣть. — Сохрани насъ Господь и помилуй,
Крестъ сотворивши, сказала старушка. — Чего же, хозяйка
Такъ испугалась, рыбакъ возразилъ? Не то же ли будетъ
Съ нами, что было? Чудное дѣло желанья людскія!
Развѣ не всё одни мы здѣсь жили? Ни разу во столько
Лѣтъ не ходила ты далѣ опушки нашего лѣса.

Кромѣ меня старика и Ундины, кого ты видала?

Нынѣ же стало у насъ и людно: Господь Богъ послалъ намъ
Добрыхъ гостей на житье. Пускай совсѣмъ разлучится
Островъ нашъ съ твердой землею и люди о насъ позабудутъ,
Намъ же прибыль. — Что правда, то правда, сказала старушка;
Только признаться, мнѣ какъ то страшно подумать, что вѣчно
Намъ ужь съ людьми не сойтись, что землѣ на всегда мы чужіе.

То услыша, Ундина прижалася къ Рыцарю, жаркой
Ручкой стиснула руку ему, и, уставивши глазки,

Полные острыхъ лучей, на него, на разпѣвъ прошептала:
„Ты останешься съ нами, ты останешься съ нами.“
Рыцарь молчалъ; онъ былъ очарованъ какимъ то видѣньемъ;
Былъ глубоко въ себя погруженъ, и Ундиной, желаннымъ,
Найденнымъ счастіемъ жизни полный въ душѣ, не разслушалъ
Словъ Ундины, проказницы рѣзвой, сидѣвшей съ нимъ рядомъ;
Мигъ насталъ роковой: священникъ своими словами
Всѣ сомнѣнья рѣшилъ; все далѣ и далѣ за темный
Лѣсъ убѣгалъ обитаемый свѣтъ: а островъ цвѣтущій,
Гдѣ такъ сладко жилось, все свѣжѣй, зеленѣй, все пріютнѣй
Сердцу его становился: невѣста, какъ чистая роза,
Тамъ разцвѣтала; и къ нимъ какъ будто бы свыше былъ посланъ

Божій священникъ: то явно было не случай. Къ тому же
Рыцарь замѣтилъ, какъ строго старикъ поглядѣлъ на Ундину
Въ ту минуту, когда, позабывъ о служителѣ церкви,
Такъ беззаботно она къ нему приласкалась. Ундину
Сильной рукой обхвативши, рыцарь всталъ и воскликнулъ:
Честный отецъ, мы женихъ и невѣста; во имя Господне
Благослови насъ, если дадутъ позволеніе эти

Добрые люди. Рыбакъ и старушка весьма изумились.
Правда, имъ часто входило на мысль, что такая развязка
Рано иль поздно случиться должна; но объ этомъ молчали
Даже другъ съ другомъ они; и въ это мгновеніе было
Вовсе нежданымъ для нихъ предложеніе рыцаря. Долго
Слова ему отвѣчать они не умѣли. Ундина жъ

Вдругъ присмирѣла, задумалась, глазки потупила въ землю.

Тою порою священникъ, спросясь съ старикомъ и старушкой,
Началъ готовить вѣнчальный обрядъ; старушка, очистивъ
На скоро горницу ту, гдѣ жила съ рыбакомъ, отыскала
Двѣ восковыя свѣчки, которыя были во время

Оно на свадьбѣ ея зажжены; а рыцарь изъ звѣньевъ
Цѣпи своей золотой отдѣлилъ два кольца, чтобъ съ невѣстой
Было чѣмъ обручиться. Все устроивъ, священникъ

Брачныя свѣчи зажегъ, и сказалъ жениху и невѣстѣ:
Дайте руку другъ другу. Ундина, какъ будто проснувшись,
Робко взглянула на рыцаря, вся покраснѣла, и руку
Давши ему, стыдливо и трепетно стала съ нимъ рядомъ.
Кончивъ вѣнчальный обрядъ, новобрачныхъ отецъ ихъ духовный
Перекрестилъ; старики жъ молодую жену и Гульбранда
Обняли съ чувствомъ родительскимъ, громко рыдая. Но въ этотъ

Мигъ священникъ сказалъ: вы странные люди! не сами ль
Вы говорили, что этотъ островъ безлюденъ, что кромѣ
Васъ четверыхъ не живетъ ни кого здѣсь? А я въ продолженье
Службы, все видѣлъ, что кто-то въ это окошко, въ широкомъ
Бѣломъ платьѣ, сѣдой и длинный, глядѣлъ; за дверями
Вѣрно стоитъ и теперь онъ, и ждетъ, чтобъ впустили. Спаси насъ
Дѣва Пречистая Божія Матерь, сказала старушка;

Молча рыбакъ покачалъ головою; а рыцарь къ окошку
Бросился: не было тамъ ни кого; но что-то въ потемкахъ,
Видѣлъ онъ, бѣлой струею мелкнуло и скрылось. Отецъ мой,
Ты ошибся, сказалъ онъ священнику. Всѣ безъ-заботно
Съ этимъ словомъ кругомъ огонька по прежнему сѣли.

ГЛАВА VII.

О ТОМЪ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ВЪ СВАДЕБНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Смирно стояла Ундина во все продолженье обряда;
Но лишь только онъ кончился, вдругъ, какъ будто волшебной
Силой какой, что въ ней было и причудъ и безпутныхъ
Выдумокъ, все забродило и вспѣнилось; вдругъ принялася
Всѣхъ тормошить, старика, старушку и рыцаря, не былъ
Даже и самъ священникъ оставленъ въ покоѣ. Суровымъ
Словомъ хотѣла хозяйка шалунью унять, какъ бывало; но рыцарь
Съ значущимъ взглядомъ назвалъ ее *своею женою*,

Та замолчала. И самъ онъ однако такимъ поведеньемъ
Не былъ доволенъ; но тутъ ни его увѣщанья, ни ласки

Ниже упреки, ни что помочь не могло. Унималась,
Правда, она на минуту, когда замѣчала досаду

Рыцаря: нѣжно тогда къ нему прижимаясь, ручен-
кой
Милой своею трепала его по щекѣ и шептала

На ухо слово любви съ небесной улыбкой; но
снова
Съ первою взбалмошной мыслію то жъ начиналось
и пуще
Нежели прежде. Священникъ сказалъ напослѣдокъ:
Ундина,
Рѣзвость такая забавна, но въ эту минуту при-
личнѣй
Было бы вамъ, новобрачной, подумать о томъ,
какъ съ душею
Даннаго Богомъ супруга свою сочетать хри-
стіански
Душу. — Душу? смѣясь закричала Ундина. Такое

Слово пріятно звучитъ; но много ли въ этомъ пріятномъ
Звукѣ смысла? А если кому души не досталось,

Что тому дѣлать! Еще сама я не знаю, была ли,

Есть ли душа у меня? — Оскорбленный глубоко священникъ,
Строго взглянувъ на нее, замолчалъ; испугавшись, Ундина
Съ дѣтскимъ смиреньемъ къ нему подошла и шепнула: послушай,
Добрый отецъ, не сердися, мнѣ это такъ грустно, такъ грустно,
Что и сказать не могу я; не будь же со мною незлобнымъ,
Робкимъ созданьемъ такъ строгъ; напротивъ того съ снисхожденьемъ
Выслушай то, что хочу исповѣдать искреннимъ сердцемъ.
Видно было, что тяжкая тайна лежала на сердцѣ Ундины;
Что-то хотѣла сказать, но вдругъ поблѣднѣла и и горько,
Горько заплакала. Всѣ на нее съ любопытствомъ смотрѣли;
Что творилося съ нею, не вѣдалъ никто. Напослѣдокъ
Слезы обтерла она и священнику, въ сильномъ волненьи
Сжавши, руки, сказала: отецъ мой, не правда ль, ужасно
Душу живую имѣть? И не лучше ль, скажи мнѣ, не лучше ль

Вѣчно пробыть безъ души?.. Она замолчала, уставивъ
Острый, разстроенный взоръ на священника. Всѣ поднялися
Съ мѣстъ, какъ будто дичася ее; не дождавшись отвѣта,
Съ тяжкимъ вздохомъ, она продолжала: великое бремя,
Страшное бремя душа! при одномъ ужъ ея ожиданьи
Грусть и тоска терзаютъ меня; а до нынѣ мнѣ было
Такъ легко, такъ свободно. Она опять зарыдала,

Скрыла въ ладони лице и, нагнувши головку,

Плакала горько, а свѣтлые кудри, скатясь на прекрасный
Лобъ и на жаркія щеки, повисли густымъ покрываломъ.
Съ строгимъ лицемъ подошелъ къ ней священникъ; Ундина, сказалъ онъ,
Именемъ Господа Бога тебѣ говорю: исповѣдуй

Душу свою передъ нами, и, если таится въ ней злое,
Богъ милосердъ, Онъ помилуетъ. Смирнымъ младенцемъ

Стала она передъ нимъ на колѣна, и, руки сложивши,
Набожно къ небу глаза подняла, и крестилась, и имя
Божіе славя, твердила, что не было зла никакого

Въ сердцѣ ея. Священникъ сказалъ, обратяся къ Гульбранду:
Рыцарь, вамъ повѣряю я ту, съ которою нынѣ

Самъ сочеталъ васъ; душею она безпорочна, но много
Чуднаго въ ней. Примите мой добрый совѣтъ: осторожность,
Твердость, любовь; остальное на власть милосердаго Бога
Съ вѣрой оставьте. Сказавъ, новобрачныхъ священникъ
Перекрестилъ и вышелъ; за нимъ рыбакъ и старушка,
Такъже крестясь и молитву читая, вышли. Ундина
Все еще на колѣнахъ стояла въ молчаньи; когда же
Всѣ удалились, она потихоньку лицемъ обернулась
Къ рыцарю, кудри раздвинула, мало по малу, какъ будто

Въ чувство входя, головку свою подняла и уныло

Очи лазурныя, полныя слезъ, на него устремила.

Милый, ты вѣрно также покинешь меня, прошептала

Робко она, но чѣмъ же я бѣдная, чѣмъ виновата?

Руки ея такъ призывно, такъ жарко къ нему поднялися,

Взоры ея такъ похожи на небо прекрасное стали,

Голосъ ея такъ глубоко изъ сердца раздался, что рыцарь

Все позабылъ, и въ порывѣ любви протянулъ къ ней объятья;

Вскрикнула, вспрыгнула, кинулась къ милому въ руки Ундина,

Грудью прильнула ко груди его и на ней онѣмѣла.

ГЛАВА VIII.

О ТОМЪ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА ДРУГОЙ ДЕНЬ СВАДЬБЫ.

Свѣжій утренній лучь разбудилъ новобрачныхъ; блаженствомъ
Ясныя очи Ундины горѣли; а рыцарь въ глубокой
Думѣ молчалъ про себя; всю ночь онъ видѣлъ какой-то
Странный, мучительный сонъ: все снилось ему, что хотѣли
Бѣсы его обольстить подъ видомъ красавицъ, что въ змѣевъ
Адскихъ красавицы всѣ передъ нимъ обращались. Проснувшись
Въ страхѣ, онъ началъ смотрѣть недовѣрчиво: тутъ ли Ундина?
Нѣтъ ли въ ней какой перемѣны?.... Но было все тихо,
Буря кончилась; полный мѣсяцъ свѣтилъ, и Ундина
Сномъ глубокимъ спала, положивши горячую щеку

На руку; во́льно дышала она и сквозь сонъ, какъ журчанье,
Шопотъ невнятный бродилъ по жарко-разкрывшимся губкамъ.
Видомъ такимъ успокоенный, рыцарь заснулъ, но въ другой разъ
Тотъ же сонъ; наконецъ засіяла заря и проснулися оба.
Сонъ разсказавши, рыцарь проспилъ, чтобъ Ундидина простила
Страхъ безразсудный ему. Вздохнувши, прекрасную руку
Съ грустью она эту подала, и ни слова; но сладкій,
Полный глубокой любовію взглядъ, какого дотолѣ
Рыцарь въ лазоревыхъ глазкахъ ея не встрѣчалъ, безотвѣтно
Выразилъ все. Съ довольнымъ сердцемъ онъ всталъ, и къ домашнимъ
Вышелъ; всѣ трое сидѣли, молча; на лицахъ ихъ видно
Было, что тяжко тревожило ихъ ожиданье развязки;
Видно было, что внутренно Бога священникъ молилъ: да поможетъ
Имъ защититься отъ козней врага. Но какъ скоро явился

Съ яснымъ лицемъ новобрачный, то вмигъ и у
них просіяли
Души и лица; рыбакъ и старушка заплакали; къ
небу
Взоръ благодарный поднялъ священникъ. Потомъ
и Ундина
Вышла; они хотѣли пойти къ ней на встрѣчу, но
стали
Всѣ неподвижны: такъ знакома и такъ незна-
кома
Имъ въ красотѣ довершенной она показалась. Свя-
щенникъ
Первый къ ней подошелъ; но лишь только онъ
руку, чтобъ дать ей
Благословеніе, поднялъ, она ему поклонилась

Въ землю и стала прощенья просить въ словахъ
безразсудныхъ,
Сказанныхъ ею вчера; потомъ примолвила: доб-
рый
Другъ, помолись о спасеньи моей души много-
грѣшной.
Вставши, она обняла стариковъ, и то, что ска-
зала
Имъ, было такъ полно души, такъ было ихъ
слуху
Ново, и такъ далеко отъ всего, что прежде плѣ-
няло

Въ ней, не касаясь до сердца, что оба они, зарыдавши,
Стали молиться въ слухъ и ее называли небеснымъ
Ангеломъ, дочкой родною; она же съ сердечнымъ смиреньемъ
Ихъ цѣловала; такой и осталась она съ той минуты:
Кроткой, покорной женою, хозяйкой заботливой, въ то же
Время дѣвственно-чистымъ, божественно-милымъ созданьемъ.
Рыцарь, старикъ и старушка, давно ужь привыкнувъ къ причудамъ
Дѣтскимъ ея, все ждали, что снова она, какъ и прежде,
Станетъ проказить, но въ этотъ разъ они обманулись:
Ангеломъ тихимъ была Ундина. Священникъ, любуясь
Ею, воскликнулъ: радуйтесь рыцарь; Господь милосердый
Вамъ даровалъ чрезъ меня недостойнаго рѣдкое счастье;
Будетъ добро вамъ и въ здѣшней и въ будущей жизни, когда вы
Чистымъ его сохраните. Господь помоги вамъ обоимъ.

Около вечера, съ нѣжностью робкой Ундина взявши Гульбранда
За руку, тихо его повлекла за собою на вольный

Воздухъ. Безоблачно солнце садилось, свѣтя на зеленый
Дернъ сквозь деревья, за коими тихо горѣло

Море вдали. Во взорахъ жены молодой трепетало
Пламя любви, какъ роса на лазурныхъ листкахъ; но казалось
Грустная тайна уста ей смыкала, порой выражаясь
Вздохомъ невнятнымъ. Въ молчаньи она вела за собою
Рыцаря далѣ; когда же съ ней говорилъ онъ, отвѣта
Не было, взоръ одинъ отвѣчалъ; но въ этомъ сердечномъ
Взорѣ цѣлое небо любви и смиренья лежало.

Такъ подошли напослѣдокъ они къ лѣсному потоку.....
Что же рыцарь увидѣлъ? Разливъ уже миновался;
Мелкимъ ручьемъ стремился потокъ. Онъ изчезнетъ

Къ утру совсѣмъ, сказала Ундина, скрывая рыданье;
Завтра кончится все, и тебѣ ужъ препятствія болѣ,

Милый, не будетъ отъ сель удалиться какъ скоро захочешь. —
Вмѣстѣ съ тобою, Ундиночка, рыцарь отвѣтствовалъ. — Это
Въ волѣ твоей, шепнула она, усмѣхаясь сквозь слезы.
Другъ, я знаю, что ты Ундиночку любишь. Она же
Всею душею твоя, и навѣкъ. Но милый, послушай,
Перенеси меня на рукахъ на этотъ зеленый

Островъ; тамъ пріютнѣй. Хотя и самой мнѣ сквозь волны
Было бъ нетрудно туда проскользнуть; но, другъ, мнѣ такъ сладко
Быть на рукахъ у тебя. И, если намъ должно разстаться,
То хоть въ послѣдніе счастьемъ земнымъ подышу я
Здѣсь у тебя на груди. И разтроганъ, встревоженъ,
Рыцарь Ундину на руки взялъ и понесъ черезъ воду.

Было то мѣсто знакомо, то былъ островокъ, на которомъ
Встрѣтился рыцарь съ Ундиною въ бурю. Ее опустилъ онъ
Тихо на шелковый дернъ и хотѣлъ помѣститься съ ней рядомъ.
Нѣтъ, не рядомъ со мной, а противъ меня ты садися,
Милый, сказала она; хочу я прежде, чѣмъ словомъ
Будешь отвѣтствовать мнѣ, твой отвѣтъ въ непритворныхъ
Взорахъ твоихъ заранѣ угадывать. Слушай. Ты долженъ
Знать, ужь на дѣлѣ узналъ ты, что есть на свѣтѣ созданья,
Вамъ подобныя видомъ, но съ вами различнаго свойства.
Рѣдко ихъ видите вы. Въ огнѣ живутъ Саламандры,
Чудные, рѣзвые, легкіе; въ нѣдрахъ земли, неприступныхъ
Свѣту, водятся хитрые Гномы; въ воздухѣ вѣютъ
Сильфы; лоно морей, озеръ и ручьевъ населяютъ
Духи веселые водъ. Прекрасно и во́льно живется

Тамъ, подъ звонкокристальными сводами; небо и солнце
Свѣтятъ сквозь нихъ; и небесныя звѣзды туда проницаютъ;
Тамъ на высокихъ деревьяхъ коралловыхъ пурпуромъ яркимъ,
Темнымъ сапфиромъ блистаютъ плоды; тамъ гуляешь по мягкимъ
Свѣжимъ песочнымъ коврамъ, узорами раковинъ пестрыхъ
Хитро украшеннымъ; многое, бывшее чудомъ минувшихъ
Лѣтъ, облеченное тайнымъ серебряныхъ водъ покрываломъ,
Видится тамъ въ величавыхъ развалинахъ: влага съ любовью
Ихъ объемлетъ, въ мохъ и цвѣты водяныя ихъ рядитъ,
Пышнымъ вѣнцемъ тростника ихъ сѣдыя главы обвиваетъ.
Жители странъ водяныхъ обольстительно-милы, прекраснѣй
Самыхъ людей. Случалось не разъ, что рыбакъ, подглядѣвши
Дѣву морскую — когда, изъ воды подымаяся тайно,
Пѣла она и качалась на зыбкой волнѣ — повергался

Въ хладную влагу за нею. Ундинами чудныя эти
Дѣвы слывутъ у людей. И, другъ, ты теперь предъ собою
Въ самомъ дѣлѣ видишь Ундину. — Гульбрандъ содрогнулся;
Холодъ по членамъ его пробѣжалъ, неподвиженъ какъ камень,
Молча и дико смотрѣлъ онъ въ лице разскащицы милой,
Силъ не имѣя очей отвести. Покачавъ головою,

Грустно замолкла она, вздохнула, потомъ продолжала:
Видомъ наружнымъ мы то же, что люди, быть можетъ и лучше
Нежели люди; но съ нами не то, что съ людьми; покидая
Жизнь, мы вдругъ пропадаемъ какъ призракъ, и тѣломъ и духомъ
Гибнемъ вполнѣ, и самый нашъ слѣдъ изчезаетъ; изъ праха
Въ лучшую жизнь переходите вы; а мы остаемся

Тамъ, гдѣ жили, въ воздухѣ, искрѣ, волнѣ и пылинкѣ.
Намъ души не дано; пока продолжается наше

Здѣсь бытіе, намъ стихіи покорны; когда жъ умираемъ,
Въ ихъ переходимъ мы власть, и онѣ насъ въ мигъ истребляютъ;
Веселы мы и насъ ни что не тревожитъ, какъ птичекъ
Въ рощѣ, рыбокъ въ водѣ, мотыльковъ на лугу благовонномъ.
Все однако стремимся возвыситься: такъ и отецъ мой,
Сильный Царь въ голубой глубинѣ Средиземнаго моря,
Мнѣ, любимой, единственной дочери, душу живую
Дать пожелалъ, хотя онъ и вѣдалъ, что съ нею и горе,
Всѣхъ одаренныхъ душею удѣлъ, меня не минуетъ.
Но душа не иначе дана быть намъ можетъ, какъ только
Тѣснымъ союзомъ любви съ человѣкомъ. И, милый, отъ нынѣ
Я съ душею навѣки; тебѣ одному благодарна
Я за нее, и тебѣ жъ благодарна останусь, когда ты
Жизнь не осудишь мою на вѣчное горе. Что будетъ

Съ бѣдной Ундиной, когда ты покинешь ее? Но обманомъ
Сердце твое сохранить она не хотѣла. Теперь ты
Знаешь все, и, если меня оттолкнуть ты рѣшился,
Здѣлай это теперь же: одинъ перейди на противный
Берегъ; я брошуся въ этотъ потокъ: онъ мой дядя; издавна
Въ нашемъ лѣсу онъ свободную, чудную жизнь, какъ пустынникъ,
Розно съ родней и друзьями проводитъ. Онъ силенъ и многимъ
Старымъ рѣкамъ и могучимъ потокамъ союзникъ. Принесъ онъ
Нѣкогда къ жителямъ хижины здѣшней меня беззаботнымъ,
Яснымъ, веселымъ младенцемъ; и онъ же нынѣ отъ сюда
Въ домъ отца моего меня отнесетъ измѣненнымъ, живую
Душу пріявшимъ созданьемъ, любящей, скорбящей женою.
Далѣ она говорить не могла; пораженный, плѣненный,
Рыцарь ее обхватилъ, и на руки поднялъ, и вынесъ

На берегъ; тамъ передъ небомъ самимъ повторилъ онъ обѣтъ свой:
Съ ней неразлучно жить на землѣ и дѣлить все земное.
Въ сладкомъ согласіи, за руки взявшись, медлительнымъ шагомъ
Въ хижину оба пошли. И Ундина, глубоко постигнувъ
Благо святое души, престала жалѣть о прозрачномъ
Морѣ и влажныхъ жилищахъ отцовскаго чуднаго царства.

ГЛАВА IX.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ И ЕГО МОЛОДАЯ ЖЕНА ОСТАВИЛИ ХИЖИНУ.

Рыцарь, проснувшись съ зарей на другой день, весьма удивился,
Видя, что подлѣ него Ундины нѣтъ, и снова онъ началъ
Думать, что все, произшедшее съ нимъ въ послѣднее время,
Было мечта. Но въ эту минуту Ундина явилась;

Сѣвши къ нему на постѣль, сказала она: я ходила
Въ лѣсъ провѣдать, исполнилъ ли дядя свое обѣщанье?
Все исполнено; воды свои онъ собралъ и снова

Лѣсомъ бѣжитъ одинокъ, невидимъ и задумчиво шепчетъ;
Всѣхъ водяныхъ и воздушныхъ друзей распустилъ онъ, и стало
Тихо въ лѣсу, и все въ порядкѣ по прежнему, можемъ

Милый, отправиться въ путь, какъ скоро захочешь. Съ какимъ-то
Страннымъ чувствомъ, похожимъ на робостъ, слушалъ Ундину
Рыцарь: ея родные были ему не по сердцу.

Но Ундина своею тихою прелестью снова

Сладкій покой возвратила ему и, любуяся вмѣстѣ
Съ нею зеленью берега, такъ свѣжо, такъ прозрачно
Свѣтлою влагой объятаго, рыцарь сказалъ: для чего же
Такъ намъ спѣшить отсюда, Ундина? Ужь вѣрно не встрѣтимъ
Мы нигдѣ толь мирнаго счастья, какимъ насладились
Въ этомъ краю; побудемъ же здѣсь; никто насъ не гонитъ.
Что ты, мой другъ, прикажешь, то и будетъ, сказала съ покорнымъ
Видомъ Ундина; но слушай: моимъ старикамъ разлучаться со мною
Тяжко и такъ, а они еще не знаютъ Ундины,

Новой, нѣжной, любящей, смиренной Ундины; и все имъ

Мнится еще, что смиренье мое не надежнѣй покоя
Водъ, и меня легко позабудутъ они, какъ весенній
Цвѣтъ, какъ быструю птичку, какъ свѣтлое облако; дай же,
Милый, въ тотъ мигъ, какъ на вѣкъ на землѣ намъ должно разстаться,
Скрыть мнѣ отъ нихъ тобой сотворенную, вѣрную душу.
Если же долѣе здѣсь мы пробудемъ, то буду ль умѣть я
Такъ притвориться, чтобъ имъ моя не открылася тайна?
Рыцарь былъ убѣжденъ, и въ мигъ собрался въ дорогу;
Снова коня осѣдлали; священникъ вызвался съ ними
Въ городъ итти черезъ лѣсъ, и съ рыцаремъ вмѣстѣ Ундинѣ
Сѣсть помогъ на сѣдло. Обнялися; разстались; Ундина
Плакала тихо, но горько; добрый рыбакъ и старушка
Выли голосомъ, глядя за нею въ слѣдъ, и какъ будто
Вдругъ догадавшись, какое сокровище въ эту минуту

Въ ней потеряли. Въ грустномъ молчаньи впередъ подвигались
Путники. Гущи лѣсной ужь достигли они, и прекрасно
Было видѣть въ зеленой тѣни, на разубранномъ пышно
Гордомъ конѣ, молодую, робкую всадницу, справа

Стараго Патера въ бѣлой одеждѣ, а съ лѣва, въ богатомъ
Пестромъ уборѣ, прекраснаго рыцаря. Бережно чащей
Лѣса они пробирались. Рыцарь одну лишь Ундину

Видѣлъ; Ундина жъ влажныя очи свои въ упоеньи
Новой души на него одного устремляла, и скоро

Тихій, нѣмой разговоръ начался между ними изъ нѣжныхъ
Взглядовъ и вздоховъ. Но вдругъ онъ былъ прерванъ какимъ-то
Шепотомъ страннымъ: шелъ рядомъ съ священникомъ кто-то четвертый,
Къ нимъ недавно приставшій. Онъ-то шепталъ. Какъ священникъ
Былъ онъ въ бѣломъ платьѣ, лице закрывалось какимъ-то

Страннымъ, широкимъ покровомъ, коего складки, какъ волны,
Падали съ плечь и станъ обвивали; и онъ безпрестанно
Ихъ поправлялъ, закидывалъ на́ руку полы, вертѣлся,
Прыгалъ; но это ему ни итти, ни болтать не мѣшало.
Вотъ что шепталъ онъ въ ту минуту, когда молодые
Вслушались въ рѣчи его: ужъ давно, давно, преподобный,
Въ этомъ лѣсу я живу, какъ у васъ говорится, монахомъ;
Правда, я не пощусь, не спасаюсь, а просто мнѣ любо
Жить на волѣ въ глуши и въ этомъ бѣломъ, волнистомъ
Платьѣ подъ тѣнью густою разгуливать. Часто и солнце
Чудно сверкаетъ по складкамъ моимъ; а когда я кустами
Крадусь, бываетъ такой веселый шорохъ, что сердце
Прыгаетъ...-Вы человѣкъ замѣчательный, молвилъ священникъ,
Я бы желалъ покороче узнать васъ. — А ты кто, когда ужь

Дѣло у насъ пошло на распросы, сказалъ незнакомецъ? —
Патеръ Лаврентій, священникъ Маріинской пустыни. — Дѣльно;
Я же, просто сказать, свободный лѣсной обыватель;
Имя мнѣ Струй; ремесла не имѣю; воленъ, какъ птица;
Нѣтъ у меня господина; гуляю и все тутъ. Однако

Нужно мнѣ кое-что молвить вотъ этой красавицѣ. Съ этимъ
Словомъ онъ прянулъ къ Ундинѣ, вдругъ выросъ, и подлѣ
Уха ея очутилась его голова. Но Ундина

Въ страхѣ его оттолкнула, воскликнувъ: поди поскорѣе
Прочь; я болѣе съ вами не знаюсь. — О! о! да какая жь
Замужемъ стала она спѣсивая! съ нами роднею

Знаться не хочетъ! Да кто же, скажи мнѣ пожалуй, не я ли,
Дядя твой Струй, малютку тебя, на спинѣ изъ подводной
Области на берегъ здѣшній принесъ? Позабыла? — Оставь насъ,

Именемъ Бога тебя умоляю, сказала Ундина;

Ты мнѣ страшенъ; ты сдѣлаешь то, что и мужъ мой дичиться
Станетъ меня, какъ скоро увидитъ съ такою роднею. —
Здѣсь я не даромъ; хочу проводить васъ, ина́че едва ли
Вамъ черезъ лѣсъ удастся пройти безопасно. А этотъ
Патеръ ужъ знаетъ меня; говоритъ онъ, что будто

Былъ я въ лодкѣ, когда онъ въ воду упалъ; и конечно
Былъ я въ лодкѣ; я въ эту лодку прянулъ волною,

Вырвалъ его изъ нее и на берегъ вынесъ, чтобъ свадьбу
Можно было сыграть вамъ. — Ундина и рыцарь при этомъ
Словѣ взглянули на Патера: шелъ онъ, какъ будто въ глубокій
Сонъ погруженный, не слыша того, что въ близи говорилось.
Вотъ и лѣсу конецъ, сказала дядѣ Ундина,

Помощь твоя теперь не нужна, оставь насъ; простимся

Съ миромъ; изчезни. Струй разсердился; онъ сдѣлалъ такую
Страшную харю, и такъ глазами сверкнулъ, что Ундина
Громко вскрикнула; рыцарь выхватилъ мечь и хотѣлъ имъ
Въ голову Струя ударить, но мечь по волнамъ водопада
Съ свистомъ хлеснулъ, и въ водѣ какъ будто шипящій
Хохотъ раздался; рыцаря обдало пѣной холодной.
Патеръ, вдругъ очнувшись, сказалъ: я предвидѣлъ что это
Съ нами случится, лѣсной водопадъ былъ такъ близко; и все мнѣ
Мнилось до сихъ поръ, что онъ живой человѣкъ и какъ будто
Съ нами шепчетъ. И подлинно рыцарю на ухо внятно
Вотъ что шепталъ водопадъ: ты смѣлый рыцарь, ты бодрый
Рыцарь; я силенъ, могучъ; я быстръ и гремучъ; не серди ты
Волны мои; но люби ты, какъ очи свои, молодую,

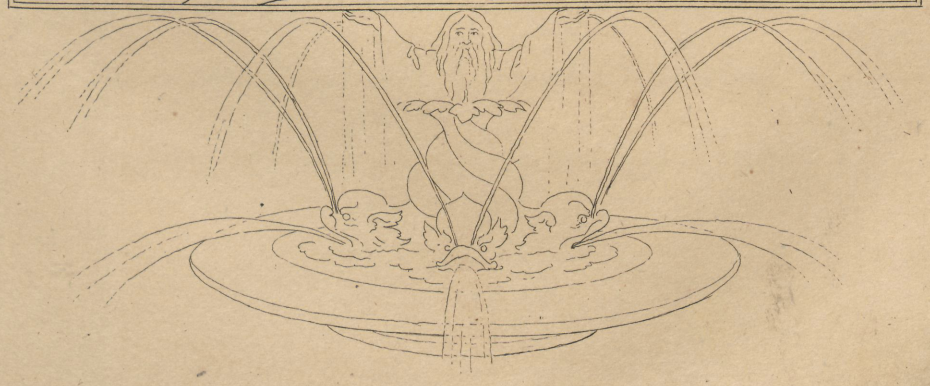
Рыцарь, жену, какъ живую люблю я волну. .... и волшебный

Шопотъ, какъ ропотъ волны, разлетѣвшейся въ
въ брызги, умолкнулъ.
Кончился лѣсъ и вышли въ поле они; тамъ Им-
перскій
Городъ лежалъ передъ ними въ лучахъ заходящаго
солнца.

ГЛАВА X.

О ТОМЪ, КАКЪ ОНИ ЖИЛИ ВЪ ИМПЕРСКОМЪ ГОРОДѢ.

Въ этомъ Имперскомъ городѣ всѣ почитали погиб-
шимъ
Нашего рыцаря, всѣ сожалѣли о немъ, а Бер-
тальда
Болѣ другихъ; она себя признавала причиной
Смерти его, и совѣсть терзала ей сердце, и милый
Рыцаревъ образъ глубоко въ него впечатленъ
былъ печалью.
Вдругъ онъ явился живой и женатый, а съ нимъ и
свидѣтель
Брака его, отецъ Лаврентій; весь городъ нежидан-
нымъ
Чудомъ такимъ приведенъ былъ въ волненье; пре-
лесть Ундины
Всѣхъ поразила, и слухъ прошелъ, что въ лѣсу
изъ подъ власти
Злаго волшебника рыцарь избавилъ ее, что по-
роды
Знатной она. Но на всѣ вопросы людей любо-
пытныхъ

Рыцарь отвѣтствовалъ глухо, Патеръ же былъ на разсказы
Скупъ, да и скоро въ свой монастырь возвратился онъ; словомъ
Мало по малу толки утихли; одной лишь Бертальдѣ
Было грустно: скорбя о погибшемъ, она по неволѣ
Сердцемъ привыкла къ нему и его *своимъ* называла.
Скоро однако она одолѣла себя; отъ природы

Было въ ней доброе сердце, но чувство глубокое долго
Въ немъ не могло сохраняться, и здѣсь легкомысліе было
Вѣрнымъ лѣкарствомъ. Ундину ласкала она, а Ундинѣ,
Простосердечной, доброй Ундинѣ болѣ и болѣ

Нравилась милая, полная прелести сверстница. Часто
Ей говорила она: мы вѣрно съ тобою, Бертальда,
Какъ нибудь были прежде знакомы, иль чудное что-то
Есть между нами; не льзя же, чтобъ кто безъ причины, безъ сильной,

Тайной причины, могъ такъ кому полюбиться, какъ ты мнѣ
Вдругъ полюбилась съ перваго взгляда. И въ сердцѣ Бертальды
Что-то подобное было, хотя его и смущала

Зависть порою. Какъ бы то ни было, скоро другъ съ другомъ
Стали онѣ неразлучны, какъ сестры родныя. Но рыцарь
Былъ готовъ ужь въ замокъ Рингштеттенъ, къ истокамъ Дуная,
Ѣхать, и день разлуки, можетъ быть вѣчной разлуки,
Былъ не далеко; Ундина грустила; и вотъ ей на мысли
Вдругъ пришло, что Бертальду съ собою въ замокъ Рингштетенъ
Могутъ они увести, что на то Герцогиня и Герцогъ
Вѣрно по просьбѣ ея согласятся. Однажды объ этомъ
Рыцарь, Ундина, Бертальда втроемъ разсуждали. Былъ теплый
Лѣтній вечеръ, по темной площади города вмѣстѣ
Шли они; синее небо глубоко сіяло звѣздами;

Въ окнахъ домовъ сверкали огни; передъ ними ходили;
Черныя тѣни гуляющихъ; шумъ разговоровъ, сліянье
Музыки, пѣнья, хохота, крика дѣтей наполняли

Чуднымъ какимъ-то говоромъ воздухъ, и онъ напоенъ былъ
Весь благовоніемъ липъ, вокругъ городскаго фонтана
Густо насаженныхъ. Здѣсь, отъ шутной толпы въ отдаленьи,
Близъ водоема стояли они, впивая прохладу

Брызжущихъ водъ, ихъ слушая шумъ и любуясь на влажный
Снопъ фонтана, бѣлѣвшій сквозь сумракъ, какъ вѣющій, легкій
Призракъ; и ихъ веселило, что такъ они въ многолюдствѣ
Были одни, и все, что при свѣтѣ казалось столь труднымъ,
Сладилось само собой безъ труда въ тишинѣ миротворной
Ночи; и было для нихъ рѣшено, что Бертальда поѣдетъ
Въ замокъ Рингштетенъ. Но въ ту минуту, когда назначали

День отъѣзда они, подошелъ къ нимъ, какъ будто изъ мрака
Вдругъ родившійся, длинный, сѣдой человѣкъ, поклонился
Чинно, потомъ кивнулъ головою Ундинѣ, и что-то

На ухо ей прошепталъ. Ундина, нахмуривши бровки,
Въ сторону съ нимъ отошла, и тогда начался между ними
Шопотъ на странномъ какомъ-то чужомъ языкѣ; а Гульбранду
Въ мысли пришло, что онъ съ незнакомцемъ гдѣ-то встрѣчался;
Тщетно Бертальда его осыпала вопросами; рыцарь

Былъ какъ въ чаду, и все съ безпокойствомъ смотрѣлъ на Ундину.
Вдругъ Ундина, захлопавши съ радостнымъ крикомъ въ ладоши,
Кинулась прочь и блаженствомъ глазки сверкали; съ досадой
Сморщивши лобъ и сѣдой покачавъ головой, незнакомецъ
Влѣзъ въ водоемъ, гдѣ въ мигъ и пропалъ. Тутъ рѣшилось сомнѣнье
Рыцаря. Что, Ундина, съ тобою смотритель фонтановъ

*

Здѣсь говорилъ, спросила Бертальда? Съ таинственнымъ видомъ
Ей головкой кивнула Ундина. „ Въ твои имянины

Послѣ завтра, ты это узнаешь, Бертальда, мой милый,
Милый другъ; я тебя и твоихъ приглашаю на этотъ
Праздникъ къ себѣ.„ Другаго отвѣта не было. Скоро

Послѣ того они проводили Бертальду и съ нею простились.
Струй? спросилъ съ содроганьемъ невольнымъ рыцарь Ундину,
Съ ней оставшись одинъ въ темнотѣ передъ Герцогскимъ домомъ.
Онъ, отвѣчала Ундина; премножество всякаго вздора
Мнѣ насказалъ; но, между прочимъ, открылъ и такую,
Нехотя, тайну, что я себя не помню отъ счастья.

Если велишь мнѣ все разсказать сію же минуту,

Я исполню приказъ твой; но, милый, Ундинѣ большая
Радость была бы, когда бъ ей теперь промолчать ты позволилъ.

Рыцарь охотно на все согласился, и можно ли было
Въ чемъ отказать Ундинѣ, столь мило просящей? И сладко
Было ей въ ту ночь засыпать; она, забываясь

Сномъ, потихоньку сама про себя съ улыбкой шептала:
Ахъ, Бертальда! какъ будетъ рада! какое намъ счастье!

ГЛАВА XI.

О ТОМЪ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА ИМЕНИНАХЪ БЕРТАЛЬДЫ.

Гости ужь были давно за столомъ, и Бертальда, царица
Праздника, въ золотѣ, перлахъ, цвѣтахъ, подаренныхъ друзьями
Ей въ именины, сидѣла на первомъ мѣстѣ, Ундина

Съ правой руки, а рыцарь съ лѣвой. Обѣдъ ужь кончался;
Подали сласти; дверь была отперта; въ ней тѣснилось
Множество зрителей всякаго званья; таковъ былъ старинный
Предковъ обычай: каждый праздникъ тогда почитался
Общимъ добромъ, и народъ всегда пировалъ съ господами.
Кубки съ виномъ и закуски носили межь зрителей слуги;
Было шумно и весело; рыцарь Гульбрандъ и Бертальда

Глазъ не сводили съ Ундины; они съ живымъ нетерпѣньемъ
Ждали, чтобъ тайну открыла она; но Ундина молчала;
Было замѣтно, что съ сердца ея и съ устъ, озаренныхъ
Ясной улыбкой, было готово что-то сорваться;

Но (какъ ребенокъ, любимой кусокъ свой къ концу берегущій),
Все молчала она, чтобъ продлить для себя наслажденье.
Рыцарь смотрѣлъ на нее съ неописаннымъ чувствомъ; Ундина
Въ дѣтской своей простотѣ, съ своимъ добродушіемъ прелесть
Ангела Божія въ эту минуту имѣла. Вдругъ гости

Стали ее убѣждать, чтобъ спѣла имъ пѣсню: Сверкнули
Ярко ея прекрасные глазки; поспѣшно схватила

Цитру и вотъ какую пѣсню тихо запѣла:

„Солнце сіяетъ; море спокойно; къ брегу съ любовью
„Воды тѣснятся. Что на душистой зелени брега

„ Свѣтится, блещетъ? Цвѣтъ ли чудесный, посланный небомъ
„ Свѣжему лугу? Нѣтъ, свѣтлоокій, ясный младенецъ
„ Тамъ на зеленомъ дернѣ играетъ. Кто ты, откуда,
„ Милый младенецъ? Какъ очутился здѣсь на чужбинѣ?
„ Ахъ! изъ отчизны былъ онъ украденъ моремъ коварнымъ.
„ Бѣдный, чего жъ ты между цвѣтами съ жадностью ищешь?
„ Цвѣтъ благовонный живъ, но безъ сердца; онъ не услышитъ
„ Дѣтскаго крика; онъ не замѣнитъ матери нѣжной.

„ Лучшаго въ жизни рано лишенъ ты, бѣдный младенецъ.
„ Мимо проѣхалъ съ свитою Герцогъ; въ пышный свой замокъ
„ Взялъ онъ сиротку; тамъ Герцогиня благостнымъ сердцемъ
„ Бѣдной сироткѣ мать замѣнила. Стала сиротка

„ Дѣвою милой, радостью сердца, прелестью взоровъ;
„ Милую дѣву Промыслъ Божій щедро осыпалъ

„ Всѣмъ.... но отдастъ ли лучшее въ жизни, мать и отца ей? “ —
Съ грустной улыбкой цитру свою опустила Ундина;
Пѣсня ея разстрогала всѣхъ, а Герцогъ съ женою
Плакали. Герцогъ сказалъ: такъ точно случилось въ то утро,
Милая наша сиротка Бертальда, когда милосердый
Богъ наградилъ насъ тобою; но права пѣвица, не можемъ
Лучшаго блага земнаго тебѣ возвратить мы, родную
Мать и роднаго отца. Ундина снова запѣла:

„ Мать тоскуетъ, бродитъ, кличетъ... нѣтъ ей отвѣта;
„ Ищетъ, ищетъ, что жъ находитъ? Домъ опустѣлый.
„ О какъ мраченъ, какъ ужасенъ домъ опустѣлый,
„ Гдѣ до толѣ днемъ и ночью, мать въ упоеньи
„ Цѣловала, миловала дочку родную!
„ Будетъ снова заниматься ярко денница,

„ Придутъ снова дни весенни, благоуханны,

„ Но денница, дни весенни благоуханны

„ Не утѣшатъ болѣ сердца матери бѣдной;

„ Все ей чуждо; въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ ей отрады;

„ Невозвратно все пропало съ дочкой родною. “—

О Ундина! ради Бога открой мнѣ! ты знаешь,

Гдѣ отецъ мой и мать; ты этотъ, этотъ подарокъ

Мнѣ приготовила. Гдѣ они? Здѣсь? Отвѣчай мнѣ Ундина.

Взоръ Бертальды, сверкая, леталъ по собранью; межь знатныхъ,

Съ ними сидѣвшихъ гостей выбирала она. Но Ундина

Вдругъ залилася слезами, къ толпѣ обратилась, рукою

Знакъ подала, и воскликнула: гдѣ вы? Явитесь,

Найденной дочери вашей, отецъ и мать! — Разступилась

Съ шумомъ толпа; изъ средины ея рыбакъ и старушка

Вышли; робко глаза устремили они на Ундину.

Вотъ она, ваша родная дочь! закричала Ундина,

Имъ указавъ на Бертальду; и съ громкимъ рыданьемъ на шею
Бросились къ ней старики; но Бертальда съ пронзительнымъ крикомъ
Ихъ отъ себя оттолкнула; страхъ, изумленье, досада
Вдругъ на лицѣ ея отразились. Какой нестерпимый,
Тяжкій ударъ для ея надмѣнной души, ожидавшей
Новаго блеска съ открытіемъ знатныхъ родителей! Кто же?
Кто же эти родители? Нищіе!... Въ эту минуту

Въ мысль ей пришло, что все то придумано хитро Ундиной
Съ тѣмъ, чтобъ унизить ее передъ свѣтомъ и рыцаремъ. Злая
Ложь! обманщица! подкупъ! вотъ что твердила Бертальда,
Гнѣвно смотря на старушку, на мужа ея и Ундину.
Господи Боже! тихонько старушка шептала, какое жъ

Злое созданье стала она! а все таки сердце

Чуеть мое, что она мнѣ родная. Рыбакъ же, сложивши
Руки, молился, чтобъ Богъ не казнилъ ихъ, послявъ имъ такую
Дочь; а Ундина, какъ Ангелъ, вдругъ утратившій небо,
Блѣдная, въ страхѣ незапномъ, не вѣдая, что́ съ ней
Дѣлалось, вся трепетала. Опомнись, Бертальда! Бертальда,
Есть ли душа у тебя? она повторяла, стараясь

Доброе чувство въ ней возбудить; но напрасно; Бертальда
Точно была внѣ себя; она въ изступленьи кричала
Крикомъ; рыбакъ и старушка плакали горько, а гости,
Страннымъ явленьемъ такимъ изумленные, начали шумно
Спорить, кто за Ундину, кто за Бертальду; въ ужасный
Все пришло безпорядокъ, и вотъ напослѣдокъ, Ундина,
Съ чувствомъ своей правоты, съ благородствомъ невинности мирной

Знакъ подала рукою, и всѣ замолчали. Смиренно,

Тихо, но твердо сказала она: вы странные люди!

Что я вамъ сдѣлала? Чѣмъ раздражила я васъ? И за что вы

Такъ разстроили милый мой праздникъ? Ахъ Боже! донынѣ

Я о вашихъ обычаяхъ, вашемъ безумномъ, жестокомъ

Образѣ мыслей не знала, и ихъ никогда не узнать мнѣ.

Вижу, что все безразсудно придумано мной; но причиной

Этому вы одни, а не я. Хотя здѣсь наружность

Вся на меня; но вы знайте: то́, что сказала я, правда.

Нѣтъ у меня доказательствъ; но я не обманщица, слышитъ

Богъ правосудный меня; а все, что здѣсь о Бертальдѣ

Я говорила, было открыто мнѣ тѣмъ, кто въ морскія

Волны младенцемъ ее заманилъ, потомъ на зеленый

Берегъ отнесъ, гдѣ ее и нашелъ знаменитый нашъ Герцогъ. —

Слышите-ль? громко вскричала Бертальда. Она чародѣйка,
Водится съ злыми духами; сама при всѣхъ признается
Въ этомъ она. — О нѣтъ, Ундина воскликнула съ чистымъ
Небомъ невинности въ мирныхъ очахъ, никогда чародѣйкой
Я не была; мнѣ невѣдомо адское зло. — Такъ безстыдно
Лжетъ и клевещетъ она. Ни чѣмъ не льзя доказать ей
Здѣсь, что рыбакъ отецъ мнѣ, а нищая мать. О покинемъ
Этотъ домъ и этотъ городъ, гдѣ я претерпѣла

Столько стыда. — Нѣтъ, Бертальда, отвѣтствовалъ Герцогъ, отсюда
Я дотолѣ не выду, пока не рѣшится сомнѣнье

Наше вполнѣ. То слыша, старушка приблизилась робко
Къ Герцогу, низко ему поклонилась и вотъ что сказала:
Вы, Государь, своимъ высокимъ Герцогскимъ словомъ
Вдругъ на разумъ меня навели. Скажу вамъ, что если

Ваша питомица подлинно дочь намъ, то должно, чтобъ были
Три родимыхъ пятна, какъ трилиственникъ видомъ, подъ правой
Мышкой ея и точно такія же три на подошвѣ

Правой ноги. Позвольте, чтобъ съ нею я вышла. Отъ этихъ
Словъ поблѣднѣла Бертальда, а Герцогъ велѣлъ Герцогинѣ
Вытти вмѣстѣ съ нею и взять съ собою старушку.

Скоро назадъ возвратились они; Герцогиня сказала:
Правда правдой; все то, что здѣсь объявила хозяйка
Наша, есть сущая истина: эти добрые люди

Точно отецъ и мать питомицы нашей Бертальды.

Съ этимъ словомъ Герцогъ съ женой и съ Бертальдой и вмѣстѣ
Съ ними, по волѣ Герцога, старый рыбакъ и старушка
Вышли; гости, кто вѣря, кто нѣтъ, разошлись; а Ундина,
Горько, горько заплакавъ, упала въ объятія мужа.

ГЛАВА XII.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ И УНДИНА УѢХАЛИ ИЗЪ ИМПЕРСКАГО ГОРОДА.

Рыцарь съ глубокимъ чувствомъ любви смотрѣлъ на Ундину.
Мною ль, онъ думалъ, дана ей душа иль нѣтъ, но прекраснѣй
Этой души не бывало на свѣтѣ: она какъ небесный
Ангелъ. И слезы Ундины съ нѣжнѣйшимъ участіемъ друга
Онъ отиралъ, цѣлуя ей очи, уста и ланиты.

Городъ Имперскій, который ей сталъ не навистенъ, покинуть
Онъ рѣшился немедля, и все велѣлъ приготовить

Къ скорому въ замокъ Рингштеттенъ отъѣзду. Вотъ на другой день
Рано по утру была подана къ крыльцу ихъ повозка;
Рыцаревъ конь и кони его провожатыхъ за нею,

Взнузданы, прыгали, рыли копытами землю; ужь рыцарь

Вышелъ съ своей молодою женой, и готовъ былъ ей руку
Дать, чтобъ въ повозку ее посадить; но въ эту минуту
Къ нимъ подошла молодая дѣвушка съ неводомъ, въ платьѣ
Рыбной торговки. Намъ товаръ твой не нуженъ, мы ѣдемъ,
Рыцарь сказалъ ей. Она заплакала взрыдъ и Бертальду
Въ эту минуту узнали Гульбрандъ и Ундина; поспѣшно
Вмѣстѣ съ нею они возвратилися въ домъ, и Бертальда
Имъ разсказала, какъ Герцогъ, вчерашнимъ ее поведеньемъ
Былъ раздраженъ, какъ ее отъ себя отослалъ, подаривши
Ей большое приданое, какъ старикъ и старушка,

Также богато имъ одаренные, городъ того же

Вечера вмѣстѣ покинули. Съ ними хотѣла пойти я,

Такъ продолжала Бертальда въ слезахъ, но старикъ, о которомъ
Всѣ говорятъ, что онъ мой отецъ.... Онъ отецъ твой, Бертальда,

Точно отецъ, сказала Ундина; ты помнишь, какъ ночью
Къ намъ подошелъ сѣдой человѣкъ, твой смотритель фонтановъ:
Онъ-то мнѣ все и сказалъ; меня убѣждалъ онъ, чтобъ въ замокъ
Нашъ Рингштеттенъ тебя не брала я съ собой, и невольно
Тайна съ его языка сорвалась.... Ну, отецъ мой, когда ужь
Долженъ онъ быть мнѣ отцемъ, продолжала Бертальда, сказалъ мнѣ
Вотъ что: ты съ нами не будешь до тѣхъ поръ, пока не исправишь
Гордаго сердца; осмѣлься одна чрезъ этотъ дремучій
Лѣсъ къ намъ пройти, тогда я повѣрю, что нашей роднею
Быть желаешь; но скинь богатый уборъ; рыбаковой
Дочерью къ намъ явися.... И я на все ужь рѣшилась;
Что онъ велѣлъ, то и будетъ; меня несчастную цѣлый
Свѣтъ оставилъ; бѣдная дочь рыбака, я въ убогой
Хижинѣ жизнь безотрадную скрою и скоро умру тамъ

Съ горя. Правда, лѣсъ волшебный меня устрашаетъ,
Бродятъ тамъ, слышно, духи, а я такъ пуглива; но что же
Дѣлать? Къ вамъ же пришла я за тѣмъ, чтобъ загладить вчерашній
Свой проступокъ признаньемъ вины; о забудьте, простите!
Я и такъ ужь несчастна безмѣрно; вспомните что́ я
Утромъ вчерашнимъ была, что́ была еще при началѣ
Вашего пира, и что́ я теперь.... Опустивши въ ладони
Голову, плакала горько она, и межь пальцевъ бѣжали
Слезы. Вся такъ же въ слезахъ, къ ней на шею упала Ундина,
Долго безгласна была; напослѣдокъ сказала: ты съ нами
Въ замокъ Рингштеттенъ поѣдешь; что положили мы прежде,
То и здѣлаемъ; только ты будь со мной, какъ привыкла
Быть; говори мнѣ по прежнему ты. Вотъ видишь ли? Въ дѣтствѣ
Насъ обмѣняли одну на другую; тогда ужь мы были

Связаны тѣсно судьбою; сплетемъ же узелъ тотъ сами
Такъ, чтобъ уже никакой человѣческой силѣ

Не было можно его разорвать. Теперь ты поѣдешь

Съ нами прямо въ Рингштеттенъ; что жъ послѣ, какъ сестры родныя,
Мы межъ собою раздѣлимъ, о томъ успѣемъ, пріѣхавъ
Въ замокъ, условиться. То услышавъ, Бертальда взглянула
Робко на рыцаря; милой изгнанницы было не меньше
Жаль и ему; и, руку подавъ ей, вотъ что сказалъ, онъ:
Ввѣрьте себя беззаботно сердцу Ундины. А къ вашимъ
Добрымъ родителямъ мы, по прибытіи въ замокъ, отправимъ
Тотчасъ гонца, чтобъ знали они, что сдѣлалось съ вами.
Подъ руку взявши Бертальду, ее посадилъ онъ въ повозку,
Рядомъ съ нею Ундину, и бодро поѣхалъ за ними

Рысью и скокомъ. Повозка летѣла: скоро Имперскій

Городъ пропалъ далеко назади, съ нимъ вмѣстѣ пропало
Тамъ и все грустное прошлое; и весело шла по прекрасной
Людной странѣ ихъ дорога, и мало ли долго ли длился
Путь ихъ, но вотъ напослѣдокъ въ одинъ прекраснѣйшій лѣтній
Вечеръ они пріѣхали въ замокъ Рингштеттенъ. Былъ долженъ
Рыцарь заняться хозяйствомъ своимъ; молодая жь хозяйка
Вмѣстѣ съ гостьей пошли осматривать замокъ. Построенъ
Былъ на крутой онъ горѣ посреди равнинъ благодатной
Швабіи: видъ изъ него былъ роскошной; и по валу вмѣстѣ,
За руки взявшись, гуляли Ундина съ Бертальдою; вдругъ имъ
Встрѣтился долгій, сѣдой человѣкъ; Бертальдѣ знакомы
Были черты; когда же Ундина, сердито нахмурясь,
Знакъ ему подала, чтобъ онъ удалился, и скорымъ
Шагомъ, тряся головой, онъ пошелъ и пропалъ за кустами,

Въ мысли пришло ей, что то ночной, городской
ихъ знакомецъ
Былъ, смотритель фонтановъ. Не бойся, Бертальда,
сказала
Ей Ундина, ужь въ этотъ разъ твой несносный
фонтанщикъ
Зла никакого не сдѣлаетъ намъ. Тогда разска-
зала
Все о себѣ Ундина: кто родомъ она, какъ Бер-
тальду
Струй похитилъ, какъ къ рыбакамъ попала Ундина

Вмѣсто родной ихъ дочери, словомъ, все. И сначала

Въ ужасъ Бертальда пришла отъ такого разсказа;
на сонный
Бредъ походилъ онъ; но скоро она убѣдилась,
что было
Все то правда и только дивилась тому, что въ
волшебной
Сказкѣ, когда-то въ дѣтствѣ разсказанной ей,
очутилась
Вдругъ на яву, живая, сама; все ей въ Ундинѣ

Стало чуждо; какъ будто-бы духъ безтѣлесный
межъ ними
Вдругъ протѣснился; ей сдѣлалось страшно. Ког-
дажъ, возвратяся,

Рыцарь съ нѣжностью обнялъ Ундину, то было понять ей
Трудно, какъ могъ онъ ласкаться къ такому созданью, въ которомъ
(Послѣ того, что Бертальдѣ сама разсказала Ундина)
Видѣлся ей не живой человѣкъ, а какой то холодный
Призракъ, что-то нездѣшнее, что-то чужое душѣ человѣка.

ГЛАВА XIII.

О ТОМЪ, КАКЪ ОНИ ЖИЛИ ВЪ ЗАМКѢ РИНГШТЕТТЕНѢ.

Здѣсь мы съ тобой остановимся, добрый читатель; прости мнѣ,
Если тебѣ о томъ, что послѣ случилось, не много
Буду разсказывать; знаю, что можно бы было подробно
Мнѣ описать, какъ мало по малу рыцарь нашъ сердцемъ
Сталъ отъ Ундины далекъ и близокъ къ Бертальдѣ, какъ стало
Сердце Бертальды ему отвѣчать и часъ отъ часу жарчѣ
Тайной любовью къ нему разгораться, какъ стали Ундины
Онъ и она дичиться и въ ней существо, имъ чужое,
Видѣть, какъ Ундина плакала, какъ пробуждали
Слезы ея заснувшую совѣсть Гульбранда, а прежней

Въ немъ любви уже пробудить не могли, какъ порою
Жалость его къ Ундинѣ влекла, а ужасъ невольно

Прочь отталкивалъ, сердце жъ стремило къ Бертальдѣ, созданью
Съ нимъ однородному..... знаю, что это все я умѣлъ бы,
Добрый читатель, порядкомъ тебѣ разсказать; но позволь мнѣ
Лучше о томъ позабыть, что такъ больно душѣ; испытали
Всѣ мы невѣрность здѣшняго счастья; ты самъ, вѣроятно,
Былъ имъ обманутъ, таковъ ужъ земной человѣческій жребій.
Счастливъ еще, когда при раздѣлѣ житейскаго былъ ты
Самъ назначенъ терпѣть, а не мучить; на свѣтѣ семъ доля
Жертвы блаженнѣй, чѣмъ доля губителя. Если сей лучшій
Жребій былъ твой, читатель, то можетъ быть, слушая нашу
Повѣсть, ты вспомнишь и самъ о своемъ миновавшемъ, и тихо
Милая грусть тебѣ черезъ душу прокрадется, снова

То, что прошло, оживетъ, и ты слезу сожалѣнья

Бросишь опять на цвѣты, которыми такъ любовался
Прежде на грядкахъ своихъ, давно ужь разстоптанныхъ. Полно жь,
Полно объ этомъ, читатель. Послушай, и съ доброй Ундиной
Тоже сбылось, что и съ нами со всѣми: Ундина страдала.
Но и Гульбрандъ и Бертальда не были веселы. Всякой
Разъ, когда Ундина хоть мало была не согласна

Въ чемъ съ Бертальдой, послѣдней казалось, что ревность владѣла
Сердцемъ обиженной бѣдной жены; и мало по малу
Видъ госпожи, причудливо-грубой и гордой, Бертальда
Съ ней приняла; Ундина съ грустнымъ незлобіемъ, молча,
Все сносила; а рыцарь всегда стоялъ за Бертальду.

Болѣ жь всего съ недавняго времени вотъ что согласье
Жителей замка стало мутить: Гульбрандъ и Бертальда

Начали вдругъ на всѣхъ переходахъ, во всѣхъ закоулкахъ
Замка встрѣчать привидѣнья, о коихъ дотолѣ и слуху
Не было; бѣлый, сѣдой человѣкъ, въ которомъ проказникъ
Дядя Струй Гульбрандомъ, смотритель фонтановъ Бертальдой
Узнаны были, сталъ имъ по всюду обоимъ, Бертальдѣ жь
Чаще, являться съ угрозой, такъ, что Бертальда отъ страха
Стала больна и даже рѣшилась бы замокъ покинуть,
Если бъ имѣла гдѣ уголъ какой для пріюта; но честный
Нашъ рыбакъ на письмо Гульбранда, которымъ тогда же
Рыцарь его извѣстилъ, что Бертальда ѣдетъ въ Рингштеттенъ,
Вотъ что отвѣтствовалъ:„ я по волѣ Господа Бога

„ Сталъ одинокій, бѣдный вдовецъ; скончалась старушка
„ Женка моя; хоть теперь мнѣ дома и пусто, но лучше
„ Быть хочу я одинъ, чѣмъ съ Бертальдой; пускай остается

„ Съ вами, но только, чтобъ не было худа какого Ундинѣ
„ Милой моей отъ того; тогда ее прокляну я. “

Такъ то, сколько неволей, столько и волей, осталась
Въ замкѣ Бертальда. Вотъ однажды случилось, что рыцарь
Выѣхалъ; скликавъ дворовыхъ людей, Ундина велѣла
Камень одинъ огромный поднять и его на колодезь,
Бывшій на самой срединѣ двора, наложить. Намъ далеко
Будетъ ходить за водою, замѣтили слуги. Но съ грустнымъ,
Ласковымъ видомъ, съ унылой улыбкой сказала Ундина:
Дѣти, сама бы за васъ я съ охотою стала въ кувшинахъ
Воду носить; но этотъ колодезъ, повѣрьте мнѣ, должно,
Должно закрыть намъ, запереть, иль съ нами случится большое несчастье.
Всѣ служители были рады угодное сдѣлать

Доброй своей госпожѣ; безъ дальныхъ распросовъ, огромный

Камень былъ поднятъ; и онъ, показалось, какъ будто-бы доброй
Волей давшись имъ въ руки, съ земли поднялся, и какъ будто
Самъ рванулся колодезъ задвинуть. Но въ эту минуту
Къ нимъ прибѣжала изъ замка Бертальда. Не троньте колодца,
Громко она закричала; его вода умываньемъ

Лучшимъ мнѣ служитъ; его запереть ни какъ не позволю.
Но Ундина съ своимъ обычнымъ смиреньемъ на этотъ
Разъ осталася въ волѣ своей непреклонна. Я въ здѣшнемъ
Замкѣ хозяйка, сказала она, улыбаясь прискорбно;

Мнѣ за всѣмъ наблюдать; и здѣсь мнѣ приказывать можетъ
Только рыцарь, мой мужъ и мой господинъ. — Посмотрите,
Съ сердцемъ вскричала Бертальда, подумать можно, что этой
Бѣдной, невинной водѣ самой не хочется съ Божьимъ
Свѣтомъ разстаться: какъ жалко она трепещетъ и бьется!

Въ самомъ дѣлѣ, чудно кипя и шипя, изъ подъ камня
Ключь пробивался, какъ будто спѣша убѣжать, и какъ будто
Что изъ него изторгнуться силой хотѣло. Тѣмъ съ большей
Строгостью свой приказъ повторила Ундина; охотно
Былъ онъ исполненъ: Ундину любили, а гордость Бертальды
Всѣхъ отъ нее удаляла и каждому было пріятно

Той угодить, а этой сдѣлать досаду; и камень

Крѣпко на́ крѣпкс устье колодца задвинулъ. Ундина
Тихо къ нему подошла, надъ нимъ задумалась, что-то
Пальчикомъ нѣжнымъ своимъ на немъ написала, въ молчаньи
Грустномъ потомъ посмотрѣла вокругъ себя, и, вздохнувши,
Медленнымъ шагомъ въ замокъ пошла. На камнѣ жъ остались
Видны какіе-то странные знаки, которыхъ дотолѣ
Не было тамъ. Въ вечеру, когда Гульбрандъ возвратился

Въ замокъ Рингштеттенъ, Бертальда ему въ слезахъ разсказала
То, что случилось съ колодцемъ. Сурово взглянулъ на Ундину
Рыцарь; она стояла, головку склоня и печально

Въ землю глаза опустивъ; но однако, собравшися съ духомъ,
Вотъ что шепнула въ отвѣтъ: всегда справедливъ господинъ мой;
Онъ и раба не осудитъ, не выслушавъ; тѣмъ наипаче
Мнѣ, законной женѣ онъ позволитъ въ свое оправданье
Слово сказать. — Говори, сердито отвѣтствовалъ рыцарь.
— Я бы желала, чтобъ былъ ты одинъ, сказала Ундина. —
Нѣтъ при ней! Гульбрандъ возразилъ, указавъ на Бертальду
— Я исполню волю твою, она продолжала;

Но не требуй того, прошу, умоляю, не требуй.

Голосъ ея былъ такъ убѣдителенъ, очи такъ нѣжны,
Все въ ней являло такую покорность, что въ сердце Гульбранда

Солнечный лучь минувшихъ дней пробѣжалъ; онъ Ундину
Дружески за руку взялъ и въ ближнюю горницу съ нею
Вышелъ; и вотъ что ему сказала она: ужь коварный
Дядя мой Струй довольно извѣстенъ тебѣ; не одинъ разъ встрѣчался
Онъ съ тобою здѣсь въ замкѣ; Бертальдѣ же такъ онъ
Страшенъ, что можетъ она умереть. Онъ бездушенъ, онъ просто
Отблескъ стихійный наружнаго міра; что въ жизни духовной
Здѣсь происходитъ, то вовсе чуждо ему; здѣсь глядитъ онъ
Только на внѣшность одну. Замѣчая, какъ ты недоволенъ
Мной иногда бываешь, какъ я, неразумный младенецъ,
Плачу, какъ въ то же время, Бертальду, случайно быть можетъ,
Что нибудь заставляетъ смѣяться, въ своемъ безразудствѣ
Видитъ онъ то, чему здѣсь и признака нѣтъ, колобродитъ,
Злится и въ наши дѣла незваный мѣшается; пользы

Нѣтъ отъ того ни какой, что ему я грожу и гоняю
Съ сердцемъ отсюда его; онъ мнѣ упрямый не вѣритъ; въ бездушной,
Бѣдной жизни своей, никогда не будетъ способенъ

Онъ постигнуть того, что въ любви и страданье, и радость
Такъ плѣнительно сходны, такъ близко родня, что разрознить
Ихъ никакая сила не можетъ: съ улыбкою слезы

Сладко сливаются, слезы рождаютъ улыбку. И очи,
Полныя слезъ, съ улыбкой поднявши, она изъ подлобья
Робко смотрѣла Гульбранду въ лице; и все трепетанье
Прежней любви онъ почувствовалъ въ сердцѣ; Ундина глубоко
То поняла, къ нему прижалась нѣжнѣй, и въ блаженствѣ
Радостныхъ слезъ продолжала: когда словами не можно
Намъ безтолковаго дядю Струя унять, то затворимъ
Входъ ему въ замокъ; единственный путь, которымъ сюда онъ

Можетъ свободно всегда проницать, есть этотъ колодезъ;
Онъ съ другими духами здѣшнихъ источниковъ въ ссорѣ;
Царство жъ его начинается ниже, вдоль по Дунаю.

Вотъ для чего я на камнѣ, которымъ колодезъ задвинутъ,
Знаки свои написала: они безпокойнаго дядю

Струя власти лишили, и онъ ни тебя, ни Бертальду
Болѣ не будетъ тревожить; онъ камня не сдвинетъ. Но людямъ
Это легко: ты можешь исполнить желанье Бертальды;
Но, повѣрь мнѣ, она не знаетъ, чего такъ упрямо

Требуетъ; Струй на нее особенно злится. А если

Сбудется то, что онъ предсказалъ мнѣ (хотя и безъ всякой
Мысли худой отъ тебя) то и самъ ты, мой милый, не будешь
Внѣ опасности. Рыцарь, глубоко проникнутый въ сердце
Великодушнымъ поступкомъ своей небесной Ундины,

Обнялъ ее съ горячностью прежней любви. Мы не тронемъ
Камня; отнынѣ жь и все, что ты когда ни прикажешь
Будетъ въ замкѣ отъ всѣхъ, какъ теперь, исполняемо свято,
Другъ мой Ундиночка: такъ ей рыцарь сказалъ, и Ундина,
Руку цѣлуя ему въ благодарность за милое, столько

Времени имъ позабытое слово любви, прошептала

Робко: милый мой другъ, ты нынче со мной такъ безмѣрно
Милостивъ, ласковъ и добръ, что еще объ одномъ попрошу я.
Видишь ли? Ты для меня какъ свѣтлое лѣто; въ сильнѣйшемъ
Блескѣ своемъ оно иногда себя покрываетъ

Огненно-грознымъ вѣнцемъ громовыхъ облаковъ и владыкой,
Истиннымъ Богомъ земли намъ является; точно таковъ ты
Кажешься мнѣ, когда, на меня прогнѣванъ бывая,

Грозно сверкаешь, гремишь и очами и словомъ; и въ этомъ,

Милый, твоя красота, хотя и случится порою

Мнѣ безразсудной плакать; но слушай, другъ мой: воздержень
Будь на водахъ отъ гнѣвнаго слова со мною; единымъ
Словомъ такимъ меня передашь ты въ волю подводныхъ
Сродниковъ; мстя за обиду ихъ рода, они невозвратно
Въ море меня увлекутъ и тамъ въ продолженіе цѣлой
Жизни я буду подъ влажно-серебрянымъ сводомъ въ неволѣ
Плакать, и мнѣ ужь къ тебѣ не прійти; а если приду я....
Боже! то это будетъ и пуще тебѣ на погибель.

Нѣтъ, мой сладостный другъ, избавь меня отъ такого
Бѣдствія. Рыцарь торжественно далъ обѣщанье исполнить
Просьбу ее, и они съ веселымъ лицемъ возвратились
Въ горницу, гдѣ ихъ Бертальда ждала. Она ужь успѣла
Слугъ къ колодцу послать, чтобъ они, по первому знаку

Рыцаря, камень свалили съ него. Не трогайте камня,
Холодно рыцарь сказалъ, и помните всѣ, что Ундина
Въ замкѣ моемъ одна госпожа, что ея приказанья
Святы. При этомъ словѣ Бертальда, въ лицѣ измѣнившись,
Скрылась. Вотъ ужь и ужина часъ наступилъ, а Бертальды
Не было. Рыцарь послалъ за нею, но, вмѣсто Бертальды,
Въ спальнѣ ея опустѣвшей нашли записку на имя
Рыцаря; вотъ что стояло въ запискѣ:„ вы приняли, рыцарь,
„ Въ домъ свой меня, недостойную дочь рыбака, и о низкомъ
„ Родѣ своемъ я безумно забыла; за то въ наказанье,
„ Доброю волей иду къ отцу рыбаку, чтобъ, въ убогой
„ Хижинѣ скрывшись, о счастьи земномъ не мечтать; наслаждайтесь
„ Долго имъ вмѣстѣ съ вашей прекрасной супругой. “ Ундина
Сильно была опечалена; рыцаря въ слѣдъ за Бертальдой

Стала она посылать; ея убѣжденья однако
Были не нужны; онъ самъ на то былъ готовъ. Но въ какую
Сторону ѣхать за ней? Ни кто объ этомъ не вѣдалъ.
Рыцарь сидѣлъ на конѣ и хотѣлъ ужь свой путь на удачу
Выбрать, какъ вдругъ явился пастухъ и сказалъ, что Бертальда
Встрѣтилась съ нимъ у входа Черной Долины; стрѣлою
Рыцарь пустился туда, не слыша того, что въ окошко
Вслѣдъ за нимъ кричала Ундина: „ не ѣзди! не ѣзди,
„ Милый! постой! Гульбрандъ, берегися Черной Долины!
„ Стой! назадъ! иль, Бога ради, позволь мнѣ съ собою
„ Ѣхать!.“... Но рыцарь ужь былъ далеко. Ундина поспѣшно
Сѣла сама на коня и одна за нимъ поскакала.

ГЛАВА IV.

О ТОМЪ, КАКЪ ОТЫСКАЛАСЬ БЕРТАЛЬДА.

Эта долина, въ то время слывшая Черной Долиной,

Очень близко была отъ замка, а какъ назы-
ваютъ
Нынче ее, неизвѣстно; тогда жь поселяне ей имя

Черной дали за то, что глубоко средь дикихъ
утесовъ,
Елями густо заросшихъ, лежала она, что кипучій,

Быстрый потокъ, на скалистомъ днѣ ущелья шу-
мѣвшій,
Черенъ межь елей бѣжалъ, и что небо нигдѣ
голубое
Въ мутныя воды его не свѣтило. Въ сумерки
стало
Вдвое темнѣй и ужаснѣй межь елей и дикихъ утe-
совъ.
Рыцарь съ трудомъ пробирался вдоль берега;
страшно

Было ему за Бертальду, и засвѣтло встрѣтиться съ нею
Онъ торопился; по всѣмъ сторонамъ съ напряженнымъ вниманьемъ
Взоръ обращалъ онъ, и сердце въ немъ билось сильнѣй; онъ со страхомъ
Думалъ: что будетъ съ нею, если заблудится въ этомъ
Дикомъ мѣстѣ, ночью, и въ грозу, которая черной,

Тяжкой тучей шла на долину? Вдругъ показалось
Бѣлое что-то ему въ потемкахъ, на склонѣ утеса;
Онъ подумалъ, что было то платье Бертальды, и шпорить
Началъ коня; но конь захрапѣлъ, упе́рся и, уши

Чутко поднявъ, не шелъ ни назадъ ни впередъ; чтобъ напрасно не тратить
Времени, рыцарь спрыгнулъ съ сѣдла, къ опрокинутой вѣтромъ
Ели коня привязалъ, и пѣшій впередъ пробираться

Началъ кустами; онъ спотыкался; упорныя вѣтви

Били его по лицу, и какъ будто нарочно сплетались

Сѣтью, чтобъ далѣ не могъ онъ итти; онъ ломалъ
их, а небо
Тою порою все болѣ и болѣ мрачилось, и глухо

Громъ гремѣлъ по горамъ, и все кругомъ становилось
Страннымъ такимъ, что онъ ужъ и робость чувствовать началъ,
Глядя на бѣлый образъ, къ которому ближе и ближе
Все подходилъ и который лежалъ на землѣ неподвижно.
Съ духомъ собравшись, къ нему наконецъ подступилъ онъ; сначала
Сучьями тихо потрясъ, мечемъ позвенѣлъ — никакого
Нѣтъ отвѣта. Бертальда! Бертальда! онъ началъ, сначала
Тихо, потомъ все громче и громче кликать — отвѣта

Все ему нѣтъ. Наконецъ закричалъ онъ такъ громко, что эхо
Вмѣстѣ съ нимъ закричало повсюду: Бертальда! — напрасно;
То же молчанье. Тогда онъ къ ней наклонился; но, было
Такъ ужъ темно́, что, не могши по́дъ носомъ видѣть, пригнулся

*

Къ самой землѣ онъ лицемъ, и въ эту минуту сверкнула
Яркая молнія; все освѣтилось, и что же въ блескѣ увидѣлъ
Рыцарь? Подъ самымъ лицемъ его отразилась изъ черной
Тьмы безобразно-свирѣпая харя, и голосъ осиплый

Взвылъ: поцѣлуйся со мной, пастушекъ дорогой! Приведенный
Въ ужасъ, кинулся рыцарь назадъ; но свирѣпая харя
Съ визгомъ и хохотомъ кинулась въ слѣдъ.„ За чѣмъ ты? Куда ты?
Духи на волѣ! назадъ! убирайся! иль будешь ты нашимъ!„
Вотъ что выла она, и длинныя руки хватали

Рыцаря. Струй проклятый! (Гульбрандъ закричалъ, ободрившись)
Это твои проказы! постой, я тебя поцѣлую!

Сильно онъ треснулъ по харѣ мечемъ; она разлетѣлась
Въ брызги, и рыцарь пѣной, шипящей какъ хохотъ, былъ о́блитъ
Весь съ головы до ногъ; тогда объяснилося, съ кѣмъ онъ

Дѣло имѣлъ. „Меня удержать онъ, я вижу, намѣренъ,

Рыцарь громко сказалъ; онъ думаетъ, я испугаюсь

Шутокъ бѣсовскихъ его и Бертальду бѣдную брошу
Злому духу во власть. Демонъ бездушный не знаетъ,
Какъ всемогущъ человѣкъ своей непреклонною волей! “
Самъ онъ почувствовалъ истину словъ сихъ; новая бодрость
Въ немъ родилась, и какъ будтобы счастіе съ этой минуты
Стало съ нимъ за одно: къ своему коню возвратиться
Онъ еще не успѣлъ, какъ ужъ явственно, сдѣлался слышенъ
Жалобный голосъ Бертальды, зовущей на помощь сквозь шумный
Вѣтеръ и говоръ грозы, подходившей часъ отъ часу ближе.
Онъ полетѣлъ на крикъ и увидѣлъ Бертальду. Изъ страшной
Черной Долины силяся вытти, она по крутому

Боку ея тащилася къ верху; тутъ заступилъ ей

Рыцарь дорогу; и какъ ни твердо, въ своей оскорбленной
Гордости, прежде рѣшилась она на побѣгъ, но встрѣтить Гульбранда
Было ей радостно; ужасъ, испытанный ею въ дорогѣ,
Сердце ее усмирилъ, а свѣтлая жизнь въ безмятежномъ
Замкѣ такъ ласково руки къ ней простирала, что рыцарь
Тотчасъ ее за собою итти убѣдилъ. Но Бертальда

Силы почти не имѣла; Гульбрандъ съ большимъ затрудненьемъ
Могъ ее до коня своего довести; и помочь ей

Сѣсть на сѣдло онъ хотѣлъ, чтобъ, коня отвязавъ, за собою
Вѣсть его въ поводахъ; но конь, испуганный Струемъ,
Былъ какъ звѣрь: онъ злился, храпѣлъ, на дыбы подымался,
Задомъ и передомъ билъ; Бертальдѣ даже и близко
Было не льзя подойти. Пошли пѣшкомъ: осторожно

Рыцарь спустницу подъ руку велъ, а коня за собою

Силой тащилъ за узду; Бертальда едва подвигала

Ноги и, какъ ни боролась съ собой, но усталость давила

Члены ея какъ свинецъ; а буря, ударъ за ударомъ

Грома, сверканіе молніи, шумъ деревьевъ во мракѣ,

Злая игра привидѣній.... словомъ, Бертальда, сліяньемъ

Ужасовъ сихъ изнуренная, пала на землю; и въ то же

Время Рыцаревъ конь, какъ будто взбѣсившійся, началъ

Снова метаться и рваться. Рыцарь, боясь, чтобъ въ Бертальду

Онъ не ударилъ, хотѣлъ отъ нее отойти; но Бертальда

Съ воплемъ его начала умолять, что бъ остался. На волю жь

Злаго коня пустить онъ не смѣлъ: онъ боялся, что этотъ

Дикій звѣрь, набѣжавъ на лежащую, тяжкимъ копытомъ

Грянетъ въ нее; короче, на что́ рѣшиться, что́ дѣлать,

Рыцарь не зналъ. И вдругъ онъ обрадованъ былъ недалекимъ

Стукомъ колесъ: каменистой дорогой, онъ слышалъ, тащилась
Фура. Гульбрандъ закричалъ, чтобъ имъ помогли; грубоватый
Голосъ мужскій откликнулся; скоро въ потемкахъ мелькнули
Двѣ огромныя бѣлыя лошади, съ ними погонщикъ
Роста огромнаго, въ бѣломъ плащѣ; и фура покрыта
Бѣлой холстиной была, какъ всѣ повозки съ товаромъ.
Стойте, клячи! крикнулъ погонщикъ, и лошади стали.
Онъ подошелъ къ Гульбранду, который съ конемъ одичалымъ
Все еще бился.„ Я вижу въ чемъ дѣло, сказалъ онъ, съ моими
Бѣлыми то же случилось, когда я въ первый разъ съ возомъ
Этой долиной тащился; здѣсь гнѣздится какой-то
Бѣсъ водяной: онъ великой проказникъ, проѣзжимъ покоя
Нѣтъ отъ него; но мнѣ удалося свѣдать словечко;
Дай-ка шепну я его упрямой этой лошадкѣ

На ухо.“ — Дѣлай что хочешь, но только скорѣе, воскликнулъ
Рыцарь, кипя нетерпѣньемъ. — Погонщикъ, какъ слабую вѣтку
Вытянулъ шею коню, на дыбы вскочившему; что-то

Въ ухо ему шепнулъ, и какъ вкопанный сталъ онъ, лишь только
Жарко пыхтѣлъ и паръ отъ него подымался. Не время
Было Гульбранду разспрашивать, какъ совершилося чудо;
Онъ убѣдилъ погонщика взять въ повозку Бертальду,

Самъ же хотѣлъ провожать ее на конѣ; но усталый

Конь едва шевелилъ ногами. Садитесь-ка, рыцарь,

Въ фуру и вы, погонщикъ сказалъ; дорога отсюда
По́дъ гору будетъ; коня же привяжемъ съ зади повозки.
Рыцарь сѣлъ съ Бертальдою въ фуру, коня привязали
Съ зади, бичемъ захлопалъ погонщикъ, дернули дружно
Лошади, фура поѣхала. Было темно́; утихая,

Глухо въ дали гремѣла гроза; въ усладительно-мирномъ
Чувствѣ своей безопасности, въ сладкомъ покоѣ, въ волшебномъ
Мракѣ ночи, свободѣ рѣчей благосклонномъ, межь ними
Скоро сердечный, живой разговоръ начался: въ выраженьяхъ
Ласковыхъ рыцарь Бертальдѣ пѣнялъ за побѣгъ. Торопливо,
Трепетнымъ голосомъ, вся въ волненьи Бертальда проступокъ
Свой извиняла, и рѣчи ея таинственно-ясны

Были, какъ свѣтъ лампады, когда онъ во мракѣ отъ милой
Милому знакъ подаетъ, что его ожидаютъ. Рыцарь

Былъ въ упосньи. Но вдругъ пробудилъ ихъ погонщиковъ голосъ:
„Клячи, тяните живѣе! (кричалъ онъ) дружно! бѣда намъ!„
Рыцарь поспѣшно изъ фуры выглянулъ; что жь онъ увидѣлъ?
Лошади, по брюхо въ мутной водѣ, не шагали, а плыли;
Не было видно колесъ; онѣ, какъ на мельницѣ, съ шумомъ,

Съ пѣной и съ брызгами рѣзали волны; погонщикъ на козлы
Взлѣзъ и правилъ стоймя, и былъ ужь въ водѣ по колѣно.
Что за дорога такая, спросилъ у погонщика рыцарь?
Прямо идемъ въ середину потока. — „Напротивъ! погонщикъ
Съ смѣхомъ сказалъ: потокъ идетъ въ середину дороги;
Видите сами; это сущій потопъ; мы пропали. “

Подлинно, вся глубина долины кипѣла волнами;

Выше и выше они подымались. — Это злодѣй нашъ
Струй! утопить насъ онъ хочетъ, рыцарь воскликнулъ; товарищъ,
Нѣтъ ли и противъ него у тебя каково словечка? —

„Есть словечко, погонщикъ сказалъ, да надобно прежде
Свѣдать вамъ, кто́ я и какъ прозываюсь!„ — Не время загадки
Намъ загадывать, рыцарь сказалъ, вода прибываетъ;
Имя твое здѣсь не нужно. — „А такъ-то не нужно, погонщикъ

Съ дикимъ хохотомъ гаркнулъ, что, просимъ не гнѣваться, самъ я
Струй!„ — И ужасную харю свою онъ уставилъ въ повозку...
Но́ повозка ужь болѣ была не повозка, ужь были
Лошади болѣ не лошади; все разлетѣлось, разшиблось
Въ пѣну, въ шипучую воду, и самъ погонщикъ поднялся
Страшной волной на дыбы, и коня, который напрасно
Рвался и бился, умчалъ за собой въ глубину, и ужасно
Началъ снова расти и расти, и горой водяною
Выросъ, и былъ ужь готовъ на Бертальду и рыцаря, силой
Волнъ увлеченныхъ, упасть, чтобъ громадой своей задавить ихъ....
Вдругъ, сквозь шумъ, гармонически-сладостный голосъ раздался;
Вышелъ изъ облака мѣсяцъ, и въ свѣтѣ его надъ долиной явился
Образъ Ундины; она погрозила волнамъ — и, разбившись
Пылью, гора водяная, ворча и журча, убѣжала;

Въ блескѣ мѣсяца мирно потокъ заструился; и бѣлымъ
Голубемъ свѣяла тихо Ундина въ долину; и, руку
Рыцарю вмѣстѣ съ Бертальдой подавъ, на муравчатый берегъ
Ихъ за собой увела; тамъ они отдохнули; Ундининъ
Конь былъ отданъ Бертальдѣ; за нею пѣшкомъ по тихоньку
Рыцарь съ женою пошли; и такъ возвратились всѣ въ замокъ.

ГЛАВА XV.

О ТОМЪ, КАКЪ ОНИ ѢЗДИЛИ ВЪ ВѢНУ.

Съ этой поры, мой читатель, жилось покойно и мирно
Въ замкѣ Рингштеттенѣ. Рыцарь все чувствовалъ болѣ и болѣ
Прелесть небесную добраго сердца Ундины, забывшей
Все для спасенья соперницы. Въ доброй Ундинѣ

Всякая память о прошломъ изчезла: она беззаботнымъ
Сердцемъ любила, и зная, что шла прямою дорогой,

Ясную въ немъ питала довѣренность; все въ настоящемъ
Было ей радостно; въ будущемъ все улыбалось. Бертальда,
Снова ей съ прежней любовью всю душу отдавъ, благодарной
Кроткой и нѣжной являлась; короче, замокъ Рингштеттенъ

Сталъ обителью свѣтлаго счастья. Дни пролетали

Быстро за днями; зима наступила; зима миновалась;

Вотъ и весна съ благовонно-зеленой своей муравою,

Съ свѣтло-лазоревымъ небомъ своимъ улыбнулась веселымъ

Жителямъ замка; стало на сердцѣ ихъ радостно, стало и смутно.

Что жъ тутъ дивиться, если, при видѣ, какъ въ воздухѣ вешнемъ

Нитью вились журавли и легкія ласточки мчались,

Стало и ихъ позывать въ далекую даль. Разъ случилось

Рыцарю вмѣстѣ съ женой и Бертальдой въ прекрасное утро

Около свѣтлыхъ истоковъ Дуная гулять; имъ объ этой

Славной рѣкѣ онъ разсказывалъ много: какъ протекала

Пышнымъ, широкимъ потокомъ она по землямъ благодатнымъ,

Какъ на ея берегахъ прекрасная Вѣна сіяла,

Какъ по ней величаво ходили суда, какъ бѣжали

Мимо плывущихъ назадъ берега, услаждая ихъ очи

Зрѣлищемъ пажитей, нивъ, городовъ и рыцарскихъ замковъ.

„О! сказала Бертальда, какъ было бы весело съѣздить

Въ Вѣну водой“.. но опомнясь, она покраснѣла, и взоры

Робко потупила. Милымъ ея смущеньемъ Ундина

Тронувшись, руку ей подала, и въ ней загорѣлось

Сильно желанье утѣшить подругу свою. Да за чѣмъ же

Дѣло стало, сказала она? Ничто не мѣшаетъ

Съѣздить намъ въ Вѣну. Бертальда запрыгала съ радости. Вмѣстѣ

Стали они учреждать поѣздку свою, и заранѣ

Тѣмъ, что́ представится имъ на пути, восхищались. И рыцарь

Съ ними былъ за одно; Ундинѣ однако шепнулъ онъ:

„Вспомни о Струѣ; вѣдь онъ могучь на Дунаѣ.„ Не бойся,

Съ смѣхомъ сказала Ундина; пускай онъ попробуетъ сдѣлать

*

Что нибудь съ нами; я тутъ! при мнѣ ужъ ни какъ колобродить
Онъ не посмѣетъ. Отвѣтомъ такимъ уничтожены были
Всѣ затрудненья и съ бодрымъ духомъ, съ веселой надеждой
Стали готовиться въ путь. Но скажите мнѣ, добрые люди,
Все ли сбывается такъ на землѣ, какъ надежда сулитъ намъ?
Хитрая Власть, стерегущая насъ для погибели нашей,
Сладкія пѣсни, чудныя сказки подмѣченной жертвѣ

На ухо часто поетъ, чтобъ ее убаюкать. Напротивъ
Часто спасительный Божій посланникъ громко и страшно
Въ двери наши стучится. Какъ бы то ни было, наши
Путники весело плыли въ первые дни по Дунаю:

Денъ ото дня рѣка становилася шире и виды

Пышныхъ ея береговъ живописнѣй. Но вдругъ (и на самомъ
Чудно-прелестномъ мѣстѣ) открылъ свои нападенья

Бѣшеный Струй; то были сначала простыя помѣхи

(Волны бурлили безъ вѣтра; вѣтеръ отвсюду, мѣняясь,
Дулъ и судно качалъ), но Ундина одною угрозой,

Словомъ сердитымъ однимъ на воздухъ и въ воды смиряла
Силу врага; то было однако не на долго: снова

Онъ гомозился, и снова Ундина его унимала;

Словомъ сказать, веселость дороги разстроилась вовсе.
Въ то же время, гребцы, дивяся тому, что въ глазахъ пхъ
Дѣлалось, между собою часто шептались; и скоро

Стали на все съ подозрѣньемъ посматривать; самые слуги
Рыцаря, чувствуя что-то недоброе, дикимъ и робкимъ
Взоромъ слѣдили господъ; а Гульбрандъ, задумавшись грустно,
Самъ про себя говорилъ: таково-то бываетъ, какъ скоро
Здѣсь неровные сходятся; худо, если вступаетъ

Въ грѣшный союзъ земной человѣкъ съ женой водяною.
Вотъ что однако себѣ въ утѣшенье твердилъ онъ: вѣдь прежде
Самъ я не вѣдалъ, кто́ она; правда, тяжко порою

Мнѣ приходитъ отъ этой бѣсовской родни; но мое здѣсь
Горе, вина жъ не моя. Хотя иногда и вливалъ онъ
Нѣсколько бодрости въ душу свою такимъ разсужденьемъ;
Но за то съ другой стороны все болѣ и болѣ

Противъ бѣдной Ундины былъ раздражаемъ. То слишкомъ,
Слишкомъ она понимала, и въ смертную робость угрюмый
Рыцаревъ видъ ее приводилъ. Утомленная страхомъ,

Горемъ и тщетной борьбой съ необузданнымъ Струемъ, присѣла
Подъ вечеръ къ мачтѣ она, и движеніе тихо плывущей
Лодки ее укачало: она погрузилась въ глубокій

Сонъ. Но едва на мгновенье одно успѣли закрыться

Свѣтлые глазки ея, какъ вдругъ передъ каждымъ изъ бывшихъ
Въ лодкѣ, въ той сторонѣ, куда онъ смотрѣлъ, появилась,
Вынырнувъ съ шумомъ изъ водъ, голова съ разтвореннымъ зубастымъ
Ртомъ, и кривлялась, выпучивъ страшно глаза. Закричали
Разомъ всѣ; отразился на каждомъ лицѣ одинакій

Ужасъ, и каждый въ свою указывалъ сторону съ крикомъ:
Здѣсь! сюда посмотри! И изъ каждой волны создалася
Вдругъ голова съ ужаснымъ лицемъ, и поверхность Дуная
Вся какъ будто бы прыгала, вся сверкала глазами,

Щелкала множествомъ зубъ, хохотала, гремѣла, шипѣла,
Шикала. Крикъ разбудилъ Ундину, и въ мигъ при воззрѣньи
Гнѣвномъ ея пропали страшилища всѣ. Но рыцарь ужасно
Былъ раздраженъ; съ умоляющимъ взглядомъ Ундина сказала:
Ради Бога, здѣсь на водахъ меня не брани ты.

Онъ умолкнулъ, сѣлъ и задумался. Другъ мой, шепнула
Снова Ундина, не лучшель намъ далѣ не ѣздить? Не лучшель
Въ замокъ Рингштеттенъ обратно отправиться? Въ замкѣ
Будемъ спокойны — „И такъ, проворчалъ нахмурившись рыцарь,
Въ собственномъ домѣ своемъ осужденъ я жить какъ невольникъ!
Только по тѣхъ поръ и можно дышать мнѣ, пока на колодцѣ
Будетъ камень! Чтобъ этой проклятой роднѣ“.... Но Ундина
Рѣчь его перебила, съ улыбкой ему наложивши
На губы руку. Опять замолчалъ онъ, вспомнивъ о данномъ
Имъ обѣщаньи Ундинѣ. Въ эту минуту Бертальда,
Въ мысляхъ о томъ, что дѣлалось съ ними, сидѣла на краѣ
Лодки и въ воды глядѣла; сама того не примѣтивъ,
Съ шеи своей она сняла ожерелье, подарокъ
Рыцаря; имъ водила она по поверхности ровныхъ

Водъ, любуясь, какъ будто сквозь сонъ, сверканьемъ жемчужныхъ
Зеренъ въ прозрачной, вечернимъ лучемъ орумяненной влагѣ.
Вдругъ разступилась вода, и кто-то, огромную руку
Высунувъ, ею схватилъ ожерелье и быстро пропалъ съ нимъ.
Вскрикнула громко Бертальда и хохотъ пронзительный грянулъ
Отзывомъ крика ея по водамъ. Тутъ болѣе рыцарь

Гнѣва не могъ удержать; онъ вскочилъ въ изступленьи и въ рѣку
Началъ кричать, вызывая на битву съ собой всѣхъ подводныхъ
Демоновъ, Никсъ и Сиренъ; а Бертальда своимъ безутѣшнымъ
Плачемъ о милой утратѣ и пуще его раздражала.

Тою порою Ундина, къ рѣкѣ наклонясь, окунула

Руку въ прозрачныя волны и что-то надъ ними шептала;
Но поминутно она прерывала свой шопотъ, Гульбранду
Голосомъ нѣжнымъ твердя: возлюбленный, милый, подумай

Гдѣ мы; брани ихъ, какъ хочешь; со мной же ни слова; ни слова,
Ради Бога, со мною одною; ты знаешь. И рыцарь,

Какъ ни былъ раздраженъ, но ее пощадилъ. Вдругъ Ундина
Вынула влажную руку изъ водъ, и въ ней ожерелье
Было изъ чудныхъ коралловъ; своимъ очарованнымъ блескомъ
Всѣхъ ослѣпило оно. Его подавая Бертальдѣ,

Вотъ что (сказала она) для тебя изъ рѣки мнѣ прислали,
Другъ мой, въ замѣну потери твоей. Возьми же и полно
Плакать. Но рыцарь въ бѣшенствѣ кинулся къ ней, ожерелье
Вырвалъ, швырнулъ въ Дунай и воскликнулъ: ты съ ними
Все еще водишь знакомство, лукавая тварь! пропади ты
Вмѣстѣ съ своими подарками, вмѣстѣ съ своею роднею!
Згинь, чародѣйка, отъ насъ, и оставь насъ въ покоѣ!... Съ рукою,
Все еще поднятой вверхъ, какъ держала она ожерелье,

Блѣдная, страхомъ убитая, взоръ неподвижный, но полный
Слезъ устремивъ на Гульбранда, Ундина его слова роковыя
Слушала; вдругъ начала, какъ милый ребенокъ, который
Былъ безъ вины жестоко наказанъ, съ тяжкимъ рыданьемъ
Плакать, и вотъ что́ сказала потомъ истощеннымъ отъ горя
Голосомъ: ахъ, мой сладостный другъ! ахъ, прости невозвратно!
Ихъ не бойся; останься лишь вѣренъ, чтобъ было мнѣ можно
Зло отъ тебя отвратить. Но меня уводятъ; отсюда

Прочь мнѣ должно на всю молодую жизнь.... о мой милый,
Что ты сдѣлалъ! ахъ, что ты сдѣлалъ! о горе! о горе!...
Тутъ изъ лодки быстро она въ рѣку ускользнула:

Въ воду ль она погрузилась, сама ли водой разлилася,
Въ лодкѣ ни кто не примѣтилъ; было и то и другое,
Было ни то ни другое. Слѣда не оставивъ, въ Дунаѣ

Вся распустилась она; но долго мелкія струйки

Около судна шептали, журчали, рыдая; и въ слухъ доходили

Внятно, какъ будто слова: о горе! будь вѣренъ! о горе!....

Съ жалобнымъ крикомъ рыцарь упалъ, и обморокъ сильный

Душу ему на минуту отвелъ отъ тяжелыя муки.

ГЛАВА XVI.

О ТОМЪ, ЧТО ПОСЛѢ СЛУЧИЛОСЬ СЪ РЫЦАРЕМЪ.

Какъ намъ добрый читатель сказать: къ сожалѣнью
иль къ счастью, что наше
Горе земное не надолго? Здѣсь разумѣю я горе

Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губящее горе,

Горе, которое съ милымъ, потерянным благомъ
сливаетъ
Насъ во едино, которымъ утрата для насъ не
утрата,
Смерть вдвоемъ бытіе, а жизнь порывъ непре-
станный
Къ той чертѣ, за которую милое наше изъ міра

Прежде насъ перешло. Есть, правда, много избран-
ныхъ
Душъ на свѣтѣ, въ которыхъ святая печаль, какъ
свѣча предъ иконой,
Ярко горитъ пока догоритъ; но она и для нихъ
ужъ

Все не та подъ конецъ, какою была при началѣ,

Полная, чистая; много, много инаго, чужаго

Между утратою нашей и нами уже протѣснилось;

Вотъ наконецъ и всю измѣняемость здѣшняго въ самой
Нашей печали мы видимъ..... и такъ: скажу къ сожалѣнью,
Наше горе земное не надолго. Это и рыцарь

Такъ же извѣдалъ — къ худуль, къ добруль своему, мы увидимъ.
Онъ сначала только и могъ, что плакать, такъ горько
Плакать, какъ плакала бѣдная, кроткая, ангелъ доброты Ундина,
Стоя въ лодкѣ, когда онъ о́тнялъ у ней ожерелье,

Коимъ она все поправить такъ мило хотѣла; потомъ онъ
Такъ же и руку въ верхъ подымалъ, какъ Ундина, и снова
Плакалъ, и весь изойти слезами хотѣлъ. И Бертальда

Вмѣстѣ съ нимъ плакала искренно, горько. Другъ подлѣ друга

Въ замкѣ Рингштеттенѣ тихо жили они, сохраняя
Свято память Ундины, и вовсе почти позабывши
Прежнюю склонность. Къ тому же въ это время случалось
Часто и то, что Гульбранда во снѣ посѣщала Ундина:
Грустно къ постѣлѣ его подходила она, и смотрѣла
Пристально въ очи ему, и плакала молча, и тихо,
Тихо потомъ назадъ уходила, такъ, что проснувшись
Самъ онъ навѣрно не зналъ: его ли, ея ли слезами
Были такъ влажны щеки его. Но вотъ напослѣдокъ
Эти сны объ Ундинѣ стали часъ отъ часу рѣже;
Стало на сердцѣ рыцаря тише; въ немъ скорбь призаснула.
Но, быть можетъ, что онъ для себя ничего и придумать
Въ жизни не могъ бы инаго, какъ только, чтобъ память Ундины
Вѣрно хранить и объ ней горевать, когда бъ не явился

Въ замкѣ нашъ честный, старый рыбакъ, и не сталъ отъ Гульбранда
Требовать дочери. Свѣдавъ по слуху о томъ, что съ Ундиной
Сдѣлалось, долѣ терпѣть онъ уже не хотѣлъ, чтобъ Бертальда
Въ замкѣ одномъ жила съ неженатымъ. „Рада ль, не рада ль
Будетъ мнѣ дочь, о томъ я теперь и знать не желаю,
Онъ говорилъ, но гдѣ о чéстномъ имени дѣло,

Тамъ разбирать ужь не льзя.“ Съ приходомъ его пробудилось
Въ рыцарѣ прежнее чувство, имъ позабытое вовсе

Въ горѣ по милой Ундинѣ; при томъ же его ужаснула
Мысль: одному въ опустѣвшемъ замкѣ остаться. Но много
Противъ брака съ Бертальдой отецъ говорилъ въ возраженье:
„Точно ль Ундины на свѣтѣ не было? Впрочемъ — на днѣ ли
„Влажномъ Дуная тѣло ее неотпѣтымъ лежало,
„Морель его безъ пріюта носило своими волнами —

„ Все Бертальда отчасти ея безвременной, жалкой
„ Смерти причиной была, и великой грѣхъ заступить ей
„ Мѣсто бѣдной жены, отъ нее пострадавшей.“ Хоть это
Было и правда, но рыцарь стоялъ на своемъ; напослѣдокъ,
Съ нимъ согласившись, рыбакъ остался въ замкѣ. И тотъ-часъ
Былъ отправленъ гонецъ за отцемъ Лаврентіемъ съ зовомъ
Въ замокъ Рингштеттенъ: Гульбранду хотѣлось, чтобъ тотъ же, кѣмъ первый
Бракъ съ Ундиной его въ счастливые дни освященъ былъ,
Нынѣ и съ новой женою его сочеталъ. Но священникъ,
Съ страхомъ какимъ-то посланника выслушавъ, тотчасъ
Въ путь отправился; день и ночь, не смотря на усталость —
Было ль ненастье иль ясное время — онъ шелъ. Помоги мнѣ,
Господи, зло отвратить, онъ молился. И вотъ напослѣдокъ
Вечеромъ позднимъ однимъ онъ вступилъ на дворъ, осѣненный

Старыми липами, замка Рингштеттена. Рыцарь съ невѣстой,
Веселы, рядомъ съ ними рыбакъ, задумчивъ, подъ тѣнью
Липъ сидѣли. Увидя отца Лаврентія, рыцарь
Съ радостнымъ крикомъ вскочилъ, и всѣ его окружили.
Но священникъ былъ молчаливъ, прискорбенъ; хотѣлъ онъ
Рыцарю что-то сказать одному, но рыцарь, какъ будто
Вѣсть худую предчувствуя, медлилъ вступить въ особливый
Съ нимъ разговоръ. Священникъ сказалъ напослѣдокъ: таиться
Здѣсь мнѣ не нужно; до всѣхъ васъ касается то, что скажу я;
Слушайте жь рыцарь. Точноль увѣрены вы, что супруга
Ваша скончалась? Мнѣ не вѣрится это. Хоть много
Было разной молвы и объ ней самой и о родѣ
Чудномъ ея — что правда, что нѣтъ, я не знаю— но знаю
То, что она была добронравной, вѣрной, смиренной,

Благочестивой женою; а вамъ я скажу, что съ недавнихъ
Поръ она по ночамъ начала мнѣ являться: приходитъ,
Плачетъ, ломаетъ руки, вздыхаетъ и все говоритъ мнѣ:
„Честный отецъ, удержи ты его; я жива; о, спаси ты
Тѣло ему! о, спаси ты душу ему!„... И сначала

Самъ я понять не умѣлъ, чего хотѣло видѣнье;

Вдругъ посольство отъ сюда—и здѣсь я; но я не для брака
Здѣсь, для развода. Гульбрандъ, откажись отъ Бертальды; Бертальда,
Рыцарь не можетъ быть мужемъ тебѣ, имъ владѣетъ другая.
Вѣрьте мнѣ, вѣрьте, или вашъ бракъ вамъ не будетъ на радость.
Рыцарь съ досадою выслушалъ старца Лаврентія; долго
Спорили жарко они; напослѣдокъ Патеръ съ сердитымъ
Видомъ изъ замка ушелъ, не желая и ночи единой

Въ немъ провести. Гульбрандъ, увѣривъ себя, что священникъ

Былъ сумазбродъ и мечтатель, послалъ въ монастырь, по сосѣдству
Съ замкомъ лежавшій, за Патеромъ; тотъ безъ труда согласился
Бракъ совершить, и день для обряда былъ тутъ же назначенъ.

ГЛАВА XVII.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ВИДѢЛЪ СОНЪ.

Было время межь утра и ночи, когда на постелѣ

Рыцарь, сонный не сонный, лежалъ. Уже забываться

Началъ онъ; вдругъ передъ нимъ, невидимкой, ужасное что-то

Стало; и онъ очнулся, какъ будто услышавъ какой-то

Голосъ, невнятно шепнувшій: къ тебѣ подошло привидѣнье.

Силится стать онъ, чтобъ вовсе проснуться; но вотъ онъ услышалъ

Снова: какъ будто надъ нимъ и подъ нимъ лебединыя крылья

Вѣяли, волны журчали и пѣли; и онъ, утомленный,

Въ сладкой дремотѣ опять упалъ головой на подушку.

Вотъ наконецъ и подлинно сонъ овладѣлъ имъ; и началъ

Видѣть во снѣ онъ, что будто имъ слышанный шумъ лебединыхъ
Крыльевъ крыльями сталъ, что будто его подхватили

Эти крылья и съ нимъ надъ землей и водой полетѣли
Съ сладостнымъ вѣяньемъ, съ звонкимъ стенаніемъ. „Звонъ лебединый!
Стонъ лебединый! (себѣ непрестанно твердилъ поневолѣ
Сонный рыцарь) вѣдь онъ предвѣщаетъ намъ смерть.“ И казаться
Стало ему, что подъ нимъ Средиземное море; и лебедь,
Слышалось, пѣлъ: разступись, озарись, Средиземное море.
Внизъ посмотрѣлъ онъ: лазурныя воды стали прозрачнымъ,
Чистымъ кристалломъ, и могъ онъ насквозь до самаго дна ихъ
Видѣть; и тамъ онъ увидѣлъ Ундину; подъ свѣтлымъ, кристальнымъ
Сводомъ сидѣла она и плакала горько; и было ужь много,
Много въ ея лицѣ перемѣны; не та ужь Ундина

Это была, съ которою, въ прежнее время, такъ счастливъ

Былъ онъ въ замкѣ Рингштеттенѣ: очи, столь ясные прежде,
Были тусклы, щеки впалы, болѣзненъ былъ образъ.

Все то рыцарь замѣтилъ; но ею самой онъ, казалось,
Не былъ замѣченъ. И вотъ подошелъ къ ней, рыцарь увидѣлъ,
Струй, какъ будто съ упрекомъ за то, что такъ безутѣшно
Плакала; тутъ Ундина съ такимъ повелительнымъ видомъ
Встала, что Струй передъ нею какъ будто смутился.
„Хотя я
Здѣсь подъ водами живу, сказала она, но съ собою
Я принесла и душу живую; о чемъ же такъ горько
Плачу, того тебѣ никогда не понять; но блаженны
Слезы мои, какъ все блаженно тому, кто имѣетъ
Вѣрную душу.“ — Струй, покачавъ головою съ сомнѣньемъ,
Началъ о чемъ то думать, потомъ сказалъ: ты какъ хочешь
Чванься своею, живою душей, но все ты подъ властью

Нашихъ стихійныхъ законовъ, все ты обязана строгій
Судъ нашъ надъ нимъ совершить въ ту минуту, когда онъ
Вѣрность нарушитъ тебѣ и женится снова. — „Но въ этотъ
Мигъ онъ еще вдовецъ, отвѣчала Ундина, и грустнымъ
Сердцемъ любитъ меня.„ — Вдовецъ, я не спорю, со смѣхомъ
Струй отвѣчалъ; но онъ и женихъ, а скоро и мужемъ
Будетъ; тогда ужъ ты, не прогнѣвайся, съ нашимъ посольствомъ,
Хочешь не хочешь, пойдешь; а это посольство, сама ты
Знаешь какое, смерть. — „Но знаю и то, что не можно
Въ замокъ Рингштеттенъ войти мнѣ, сказала съ улыбкой Ундина;
Камень лежитъ на колодцѣ„ — А если онъ выйдетъ изъ замка,
Струй возразилъ? А если велитъ онъ камень съ колодца
Сдвинуть? Вѣдь онъ объ этихъ бездѣлкахъ забылъ. — „Для того-то,
Съ ясной сквозь слезы улыбкой сказала она, и летаетъ

Духомъ теперь онъ поверхъ Средиземнаго моря, и слышитъ
Сонный все то, что мы съ тобой говоримъ; я нарочно
Это устропла такъ, что бъ онъ остерегся.,, — Примѣтя
Рыцаря, Струй взбѣсился, топнулъ ногой, кувыркнулся
Въ волны, и быстро уплылъ, раздувшись отъ ярости китомъ.
Лебеди снова, со звономъ, со стономъ начали вѣять,
Начали рѣять; и снова рыцарю видѣться стало,
Будто летитъ онъ, летитъ надъ горами, летитъ надъ водами,
Будто на замокъ Рингштеттенъ слетѣлъ, и будто проснулся.
Такъ и было: проснулся Гульбрандъ у себя на постѣлѣ.
Въ эту минуту вошелъ Кастелянъ объявить, что близъ замка
Встрѣченъ былъ Патеръ Лаврентій, что онъ въ лѣсу недалеко
Сдѣлалъ себѣ изъ сучьевъ шалашъ и въ немъ поселился.
—Мнѣ на вопросъ, за чѣмъ онъ живетъ здѣсь, когда отказался

Рыцаревъ бракъ освятить, отвѣчалъ онъ: „развѣ одни лишь
„Браки должны освящать мы? Другіе не рѣдко обряды
„Намъ совершать случается. Если не могъ пригодиться
„Я на одно, пригожусь на другое, и жду; пированье
„Можетъ легко перейти въ гореванье. И такъ, кто имѣетъ
„Очи, да видитъ; кто уши имѣетъ, да слышитъ.“— Въ раздумьи
Долго рыцарь сидѣлъ, вспоминая свой сонъ и значенье
Словъ отца Лаврентія силясь понять; но, пришедши
Къ милой невѣстѣ, онъ все позабылъ, разгулялся, и снова
Сдѣлался веселъ, и все осталось по прежнему въ замкѣ.

ГЛАВА XVIII.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ПРАЗДНОВАЛЪ СВАДЬБУ.

Если разсказывать мнѣ, читатель, подробно, каковъ былъ
Въ замкѣ Рнштеттенѣ свадебный пиръ, то будетъ съ тобою
То же, какъ еслибы вдругъ ты увидѣлъ множество всякихъ
Рѣдкихъ сокровищъ, покрытыхъ траурнымъ флеромъ и въ этомъ
Злую насмѣшку нашелъ надъ ничтожностью счастья земнаго.
Правда, въ этотъ свадебный день ничего не случилось
Страшнаго въ замкѣ — духамъ водянымъ, ужь это мы знаемъ,
Было проникнуть въ него не льзя—но совсѣмъ тѣмъ нашъ рыцарь,
Гости, рыбакъ и даже служители были всѣ какъ-то
Смутны; казалося всѣмъ, что на праздникѣ съ ними кого-то

Главнаго нѣтъ, и что этимъ главнымъ никто ужъ не могъ быть
Кромѣ смиренной, ласковой, всѣми любимой Ундины.
Всякій разъ, когда отворялися двери, невольно

Всѣ на нихъ обращали глаза и ждали; когда же,

Вмѣсто желанной, являлся иль съ блюдомъ дворецкій, иль ключникъ
Съ кубкомъ вина благороднаго, каждый печально въ тарелку
Взоръ опускалъ, и сидѣлъ безгласенъ, какъ будто въ грустной
Думѣ о прошломъ. Всѣхъ веселѣе была молодая;

Но и ей самой какъ будто совѣстно было

Въ брачномъ зеленомъ вѣнцѣ, въ жемчугахъ и въ богатомъ вѣнчальномъ
Платьѣ на первомъ мѣстѣ сидѣть, тогда, какъ Ундина
„Трупомъ, еще неотпѣтымъ, на днѣ Дуная лежала,

„Или носима была безъ пріюта морскими волнами.„

Эти отцовы слова и прежде мутили ей сердце;

Тутъ же онѣ отзывались въ ушахъ ея безпрестанно.

Рано гости оставили замокъ, и каждый съ какимъ-то
Тяжкимъ предчувствіемъ. Рыцарь пошелъ къ себѣ, молодая
Такъ же къ себѣ — раздѣваться. Кругомъ новобрачной
Были прислужницы. Вотъ, чтобъ немного свои поразсѣять
Черныя мысли, Бертальда велѣла подать дорогіе

Перстни, жемчужныя нитки и платья, рыцаремъ къ свадьбѣ
Ей подаренные; стала примѣривать то и другое;

Льстя ей, прислужницы вслухъ восхищались ея красотою;
Съ видомъ довольнымъ слушая ихъ, Бертальда смотрѣлась
Въ зеркало; вдругъ сказала: Боже! какая досада!

Вотъ опять у меня на шеѣ веснушки; а можно бъ

Тотчасъ согнать ихъ; стоилобъ только водой изъ колодца
Нашего разъ обтереться; ахъ! если бъ мнѣ нынче жъ хоть кружку

*

Этой воды достали!—О чемъ же тутъ думать? сказала,

Бросившись въ двери, одна изъ прислужницъ. —
Не ужь то успѣетъ
Эта проказница камень поднять! съ довольной
усмѣшкой
Вслѣдъ за нею смотря, Бертальда подумала. Скоро
Сдѣлался шумъ на дворѣ: съ рычагами къ колодцу
бѣжали
Люди. Бертальда сѣла подлѣ окна и при яркомъ
Блескѣ полной луны, освѣщавшемъ дворъ замка, ей
было
Видно все, что дѣлалось тамъ. Работники дружно
Двинули камень, хотя иному изъ нихъ и при-
скорбно
Было подумать, что имъ теперь надлежало разру-
шить
То, что было приказано сдѣлать прежнею,
доброй
Ихъ госпожею; но трудъ былъ не такъ то великъ,
какъ сначала
Думали; имъ изъ внутри колодца какъ будто какая
Сила камень поднять помогала. Дивясь, говорили

Между собою работники: можно подумать, что бьетъ тамъ
Сильный ключь. И въ самомъ дѣлѣ съ отверстія камень
Самъ собой подымался; безъ всякой помоги, свободно
Сдвинулся онъ и, со стукомъ глухимъ откатясь повалился.
Вдругъ изъ колодца что-то, какъ будто бѣлый прозрачный
Столбъ водяной, поднялося торжественно, тихо. Сначала
Подлинно бьющимъ ключемъ показалось оно, но, поднявшись
Выше, какимъ-то блѣднымъ, въ бѣлый покровъ облеченнымъ
Женскимъ образомъ стало. И плача, и жалобно руки
Въ верхъ подымая, оно медлительно, шагомъ воздушнымъ
Прямо къ замку двигалось. Въ ужасѣ всѣ отбѣжали

Прочь отъ колодца. Бертальда же, стоя въ окнѣ, цѣпенѣла,
Холодомъ страха облитая. Вотъ, когда поровнялся

Съ самымъ окошкомъ идущій образъ, сквозь покрывало

Онъ поглядѣлъ на Бертальду пронзительнымъ окомъ, съ тяжелымъ
Вздохомъ; и блѣднымъ лицемъ Ундины тогда показался
Образъ Бертальдѣ: мимо ее она, ушпаясь,

Нехотя, медленно шла, какъ будто на судъ. Позовите
Рыцаря, громко вскричала Бертальда. Но всѣ въ неподвижномъ
Страхѣ стояли на мѣстѣ. Сама Бертальда, какъ будто
Собственнымъ крикомъ своимъ приведенная въ ужасъ, умолкла.
Тою порою чудесная гостья приблизилась къ двери

Замка, знакомую лѣстницу, рядъ знакомыхъ покоевъ

Тихо, молча, плача прошла.... о такою ль бывало
Здѣсь видали ее? Въ то время еще нераздѣтый

Рыцарь въ уборной своей стоялъ передъ зеркаломъ. Тусклый
Свѣтъ проливала свѣча. Вдругъ кто-то легонько

Стукнулъ въ дверь.... такъ точно, бывало, стучалась Ундина.

Все этотъ призракъ! (сказалъ онъ) пора мнѣ въ постелю. —„ Въ постѣлѣ
Будешь ты скоро, но только въ холодной, шепнулъ за дверями
Плачущій голосъ.“—И въ зеркало рыцарь увидѣлъ, какъ двери
Тихо, тихо за нимъ растворились, какъ бѣлая гостья
Въ нихъ вошла, какъ чинно замокъ заперла за собою.
„ Камень съ колодца сняли, она промолвила тихо;
Здѣсь я; и долженъ теперь умереть ты.„—Холодъ, по сердцу
Рыцаря вдругъ пробѣжавшій, почувствовать далъ, что минута
Смерти настала. Зажавши руками глаза, онъ воскликнулъ:
О не дай мнѣ въ послѣдній мой часъ обезумѣть отъ страха!
Если ужасенъ твой видъ, не снимай покрывала, и строгій
Судъ соверши надо мной, мнѣ лица твоего не являя. —
„ Ахъ, она отвѣчала, развѣ еще разъ увидѣть,
Другъ, не хочешь меня? Я прекрасна какъ прежде, какъ въ оный

День, когда твоею невѣстою стала.“— О, еслибъ

Это правда была! (Гульбрандъ воскликнулъ) о еслибъ

Мнѣ хоть одинъ полѣлуй отъ тебя! и пускай бы

Въ немъ умереть!— „Охотно, возлюбленный мой.“ покрывало

Снявши, сказала она, и прекрасной Ундиною, прежней

Милой, любящей, любимой Ундиною первыхъ, блаженныхъ

Дней предстала. И онъ, трепеща отъ любви и отъ близкой

Смерти, склонился къ ней въ руки. Съ небеснымъ она поцѣлуемъ

Въ руки его приняла, но изъ нихъ уже не пустила

Болѣ его; а крѣпче, все крѣпче къ нему прижимаясь,

Плакала, плакала тихо, плакала долго, какъ будто

Выплакать душу хотѣла; и быстро, быстро ліяся,

Слезы ея проникали рыцарю въ очи, и съ сладкой

Болью къ нему заливалися въ грудь, пока напослѣдокъ

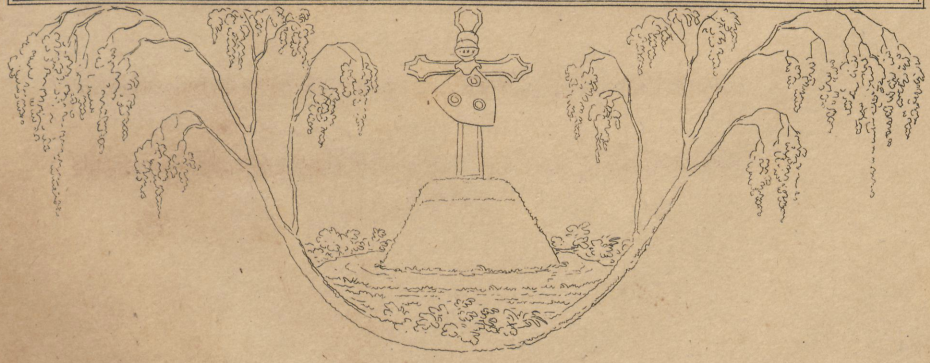
Въ немъ не пропало дыханье и онъ не упалъ изъ прекрасныхъ
Рукъ Ундины бездушнымъ трупомъ къ себѣ на подушку.
Я до смерти его уплакала! встрѣченнымъ ею

Людямъ за дверью сказала Ундина, и тихимъ, воздушнымъ
Шагомъ по́ двору, мимо Бертальды, мимо стоявшихъ
Въ страхѣ работниковъ, прямо прошла къ колодцу, безгласной,
Грустной тѣнью спустилась въ его глубину и пропала.

ГЛАВА XIX.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ БЫЛЪ ПОГРЕБЕНЪ.

Патеръ Лаврентій, услышавъ о томъ, какъ внезапно и чудно
Кончилъ жизнь владѣтель замка Рингштеттена, тотъ-часъ
Въ замкѣ явился; и онъ, входя на дворъ, осѣненный
Липами, встрѣтился тамъ съ монахомъ, недавно вѣнчавшимъ
Рыцаря: въ ужасѣ тотъ удалиться спѣшилъ. Такъ и должно!
Патеръ Лаврентій сказалъ, теперь моя наступила

Очередь; мнѣ помощникъ не нуженъ. Хотѣлъ онъ невѣстѣ,
Вдругъ овдовѣвшей, отрадное слово сказать въ подкрѣпленье;
Но Бертальда, ему не внимая, молчала угрюмо.

Старый рыбакъ молился и плакалъ, и, въ горѣ смиряясь,

Думалъ: оно иначе и быть не могло; то Господній
Судъ; и конечно Гульбрандова смерть ни кому не могла быть
Такъ тяжела, какъ именно той, которую съ смертной
Вѣстью прислали къ нему, отверженной, бѣдной Ундинѣ.
Стали готовить обрядъ похоронный, какъ было прилично
Сану покойника: тѣло его положить надлежало
Подлѣ церкви приходской, тамъ, гдѣ были гробницы
Предковъ его, одарившихъ множествомъ вкладовъ богатыхъ
Эту церковь. И щитъ и шлемъ ужь лежали на кровлѣ
Гроба, чтобъ съ нимъ опуститься въ могилу, ибо нашъ рыцарь
Былъ послѣдній въ родѣ своемъ, который съ нимъ вмѣстѣ
Кончился весь. И ходъ печальный уже начинался;
Пѣснь погребальная къ свѣтло-спокойной небесной лазури
Тихо всходила; съ длиннымъ крестомъ, во всемъ облаченьи

Патеръ Лаврентій шелъ впереди; за нимъ шла Бертальда
Въ горькихъ слезахъ, на дряхлую руку отца опираясь.
Вдругъ посреди Бертальдиныхъ женщинъ, одѣтыхъ въ глубокій
Трауръ и шедшихъ въ свитѣ ея, замѣтили бѣлый

Образъ, въ длинномъ, густомъ покрывалѣ, тихо идущій,
Грустно потупивши голову. Страхомъ проникнутъ былъ каждый,
Шедшій подлѣ такого товарища; всѣ сторонились,

Пятились, такъ, что порядокъ хода разстроился. Сплой
Два смѣльчака хотѣли незваного изъ ряду вывесть;

Но, отъ нихъ ускользнувши какъ легкая тѣнь, онъ на прежнемъ
Мѣстѣ явился опять и послѣдовалъ тихо за гробомъ.
Вотъ напослѣдокъ онъ, мало по малу, мѣняяся мѣстомъ
Съ тѣми, кто въ страхѣ спѣшилъ отъ него удалиться, подлѣ
Самой вдовы очутился; но ею сначала примѣченъ

Не былъ, и сзади пошелъ смиренно-печаленъ. Достигнулъ
Ходъ до кладбища и всѣ обступили могилу. Тутъ въ первый
Разъ Бертальда незванаго гостя увидѣла; въ страхѣ
Стала она рукою махать, чтобъ онъ удалился;
Но покровенный, кротко упорствуя, трясъ головою,
Руки къ ней простиралъ и какъ будто молилъ о пощадѣ.
Вспомнила тутъ невольно Бертальда Ундину, какъ руку
Къ ней она подняла на Дунаѣ, когда ей хотѣла
Такъ добродушно подать ожерелье, и какъ подъ водами
Скрылась потомъ навсегда. Но въ это мгновеніе подалъ
Знакъ отецъ Лаврентій, чтобъ всѣ умолкли. И стали
Гробъ опускать въ могилу, и мало по малу засыпанъ
Былъ онъ землею. Когда же совсѣмъ былъ набросанъ могильный
Холмъ, и читать послѣднюю началъ молитву священникъ,

Стала вдова на колѣни, стали и всѣ на колѣни,

Въ томъ числѣ и могильщики, кончивши насыпь.
Когда же
Снова всѣ встали.... ужь бѣлый образъ пропалъ, а
на мѣстѣ,
Гдѣ онъ стоялъ на колѣнахъ, сквозь травку со-
чился прозрачный
Ключь; серебристо вiясь, онъ впередъ пробирался,
покуда
Всей не обвилъ могилы; тогда ручейкомъ побѣ-
жалъ онъ
Далѣ, и бросился въ свѣтлое озеро ближней долины.

Долго, долго спустя, про него тѣхъ мѣстъ посе-
ляне
Чудную повѣсть любили прохожимъ разсказывать;
долго,
Долго жило повѣрье у нихъ, что ручей тотъ
Ундина,
Добрая, вѣрная, слитая съ милымъ и въ гробѣ
Ундина.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА I. Отомъ, какъ рыцарь пріѣхалъ въ хижину рыбака..... 7.

ГЛАВА II. О томъ, какъ Ундина въ первый разъ явилась въ хижинѣ рыбака.. 23.

ГЛАВА III. О томъ, какъ была найдена Ундина..... 37.

ГЛАВА IV. О томъ, что случилось съ рыцаремъ въ лѣсу..... 47.

ГЛАВА V. О томъ, какъ рыцарь жилъ у рыбака въ хижинѣ..... 63.

ГЛАВА VI. О томъ, какъ рыцарь женился.... 77.

ГЛАВА VII. О томъ, что случилось въ свадебный вечеръ..... 91.

ГЛАВА VIII. О томъ, что случилось на другой день свадьбы..... 99.

ГЛАВА IX. О томъ, какъ рыцарь и его молодая жена оставили хижину..... 113.
ГЛАВА X. О томъ, какъ они жили въ Имперскомъ городѣ..... 125.
ГЛАВА XI. О томъ, что случилось на именинахъ Бертальды..... 135.
ГЛАВА XII. О томъ, какъ рыцарь и Ундина уѣхали изъ Имперскаго города.. 147.
ГЛАВА XIII. О томъ, какъ они жили въ замкѣ Рингштеттенѣ ..... 153.
ГЛАВА XIV. О томъ, какъ отыскалась Бертальда..... 175.
ГЛАВА XV. О томъ, какъ они ѣздили въ Вѣну 191.
ГЛАВА XVI. О томъ, что послѣ случилось съ рыцаремъ..... 205.
ГЛАВА XVII. О томъ, какъ рыцарь видѣлъ сонъ 215.
ГЛАВА XVIII. О томъ, какъ рыцарь праздновалъ свадьбу..... 223.
ГЛАВА XIX. О томъ, какъ рыцарь былъ погребенъ..... 235.